

Питер Грю

Письма на чердак

Серия «Ключ от послезавтра»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22982832

Письма на чердак : повесть / Питер Грю: АСТ; Москва; 2018

ISBN 978-5-17-111066-6

Аннотация

Чердак – это место забытых вещей и пыльных историй.

Когда тебе грустно, напиши письмо на чердак, и призраки обязательно его прочитают. По дороге, усыпанной лунной пылью, они уведут тебя в Тёмный Уголок – мир-убежище, где ты забудешь о печали, где замки появляются из ниоткуда и где каждый может стать волшебником.

Здесь тебя встретят сестра и брат Шушу и Гном – однажды они обнаружили, что их плед превратился в дракона; девочка Анжела, которая умеет летать; Герман – мальчик, чьи рисунки оживают. Главное, не повстречаться с Сорокопуттом – с тем, кто хочет разрушить всё...

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	8
Шушу и Гном	9
Анжела Князь	33
Шушу и Гном	40
Анжела Князь	66
Подсолнух	81
Анжела Князь	99
Шушу и Гном	107
Анжела Князь	115
Шушу и Гном	123
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Питер Грю

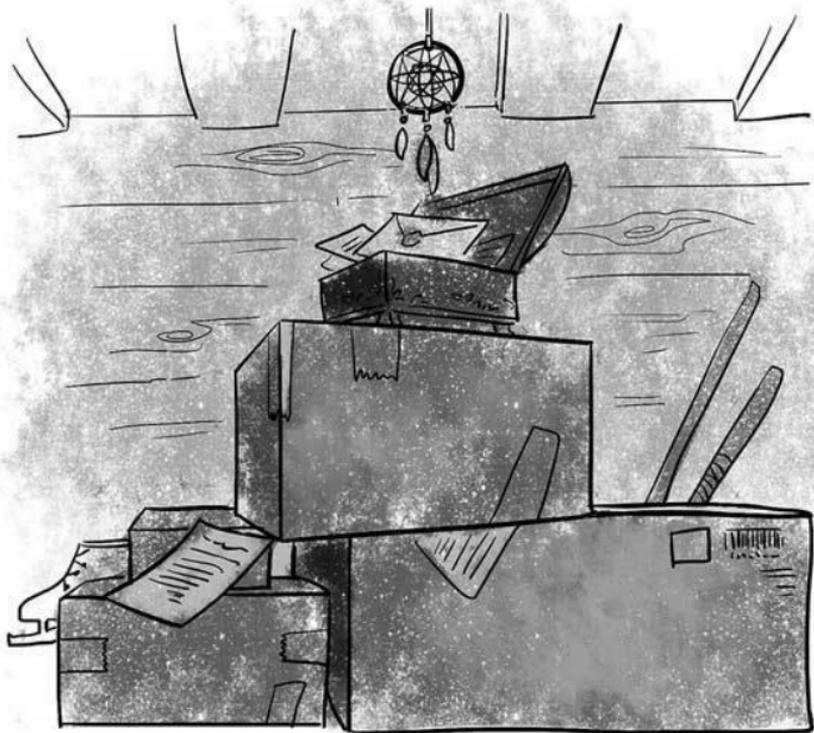
Письма на чердак

Никто не знал, где это место.

Никто не мог пойти туда со мной.

Никто не мог сделать мне там больно ¹.

¹ Перри Брюс, Майя Салавиц. Мальчик, которого растили как собаку. И другие истории из блокнота детского психиатра. АСТ, 2015.

Предисловие

Когда мне было восемь лет, я познакомилась с Бархатой.

Бархата жила на чердаке – вернее, в маленькой комнатке, которая, кажется, называется мезонином, но мы звали её просто «чердачной комнаткой».

Теперь у меня свой дом и свой чердак – уютно-пыльный, пахнущий сухой травой, солнцем и теплом, в пятнах света на старых ящиках и коробках. Настоящий первоклассный чердак, забитый историями прошлых жильцов и паутиной. На нём не хватает только Бархаты. Но я пишу ей письма и храню их, как кощееву смерть: шкатулка в коробке, коробка на коробках – шаткая пирамида забытых вещей. Я надеюсь, что Бархата их читает – мои письма.

Здравствуй, Бархата.

Ты помнишь маленькую Шушу, которая покинула Тёмный Уголок? Теперь она стала мной.

Она больше не берёт кувшин с горячим компотом прямо из воздуха, не привязывает качели к ветру, не разговаривает с мышами и не бежит босиком по морозной траве.

Но она всё равно может спрятаться, просто представив Тёмный Уголок.

Мир-убежище.

Мы не должны говорить о нём друг с другом. Но иногда

всё же сталкиваемся в Тёмном Уголке, а потом находимся здесь. Мы сушим цветочные букеты, шепчемся, пересказываем истории. Каждая из них словно пыльная книга из коробки на чердаке. Когда протираешь обложку, пыль остаётся на руках. Но мы-то знаем, что это не просто пыль. Это лунная пыль от следов призраков. Поэтому её можно найти только на чердаках – поближе к небу, где можно спрятать целый мир в укромном уголке.

Я писала эти заметки, обрывки воспоминаний, складывала в конверты и отправляла на чердак. Такая вот почта. Там же хранился и дневник Князя, который эмоциональная Джин как-то выкрала и отдала мне, да так он у меня и остался. А другие истории: Сорокопута, Подсолнух, Германа – мы нашёптывали друг другу поздними вечерами, сидя под скошенной крышей, на сухих светлых ящиках в окружении крапивных веников и танцующих пылинок.

И вот я решила достать мои письма, чужие воспоминания, рассортировать все примерно по времени и наконец понять, что же тогда всё-таки произошло.

Для себя, для Бархаты и всех тех, кто прячется и прячет, кто ищет тень в свете, знает тайные миры и питает тёплые чувства к углам.

Часть 1

До праздника

Шушу и Гном Письмо 1

Здравствуй, Бархата.

Сегодня я решила вспомнить, как ты поселилась на чердаке.

Всё началось с очередной ссоры родителей.

Когда родители ссорились, мне казалось, что звёзды сыплются с неба, птицы улетают на юг, а старый дом скрипуче вздыхает всем своим деревянным телом.

Когда родители ссорились, густые чернильные тени покидали углы, подкрадывались к кровати, заполняя всё вокруг шевелящейся чернотой.

Когда родители ссорились, Когти-Когти была особенно опасна. Она дёргала край простыни, тихо шкрябала под кроватью, и я через щёлочки прикрытых глаз видела мелькание её тени.

Родители ссорились, отправив нас с братом спать. В другой комнате папа во весь голос кричал на маму. А в детской таилась голубовато-чёрная ночь. На потолке сияли кислотно-жёлтые фосфорные звёзды, а в окне бледнел размытый задёрнутой шторой круг луны. И тени в углах были такие густые. Тёмные-тёмные.

И кажется, вот та шевельнулась... Так, не думать... об этом. Не хочу об этом думать.

Я отвернулась к стене и погладила пальцем ковёр. Обычно на нём можно было разглядеть целый мир, но сейчас – только кричащие лица.

Родители продолжали выяснять отношения. Маму не было слышно. Только папу. Всё как всегда, наверное: папа хо-

дит кругами по комнате, а мама сидит на краешке дивана с несчастным видом и теребит халат на коленях...

Я не хотела об этом думать. Поэтому накрылась с головой шерстяным клетчатым пледом.

А ведь это из-за меня родители ругались. Так я считала. Злилась на себя, на свою неосмотрительность, думала, что мама страдает из-за меня. Нет, конечно. Всё было глубже, всё было дальше. Очередная ссора – лишь пущенный с горы ком, только слепленный не из снега, а из обид. Случайность вроде не понравившегося обеда – и ком рассыпается, родители подхватывают прошлое недовольство, кидаются друг в друга воспоминаниями, колкостями, досадой.

Но эта история не о ссорах – эта история о пушистой темноте. Темнота на самом деле не таит ничего страшного. Темнота прячет и успокаивает, даёт передышку от дневной жизни. Все сказки оживают в темноте.

Под шерстяным пледом нечем было дышать. Я рискнула приподнять краешек.

Ага, братец Гном тоже не спит. Возится на соседней кровати. Луна светит прямо на него. Он не виноват, но крики его тоже пугают. Надо его отвлечь.

– А ты знаешь, что у нас на чердаке живёт Бархата? – спросила вдруг я, выглянув из своего отверстия, через которое проникал воздух.

– Кто такая Бархата? – откликнулся Гном.

– Бархата – это Бархата. И она знает всё на свете!

– Да? Сколько звёзд на небе? – спросил Гном.

Я помолчала.

– Бархата говорит, что миллиарды.

– Нечестно! Я тоже могу так сказать! – возразил Гном.

– Тогда Бархата говорит, десять миллиардов тысяча одна звезда, – ответила я, глядя на акварельный след луны на шторе.

– А что ещё говорит Бархата? Но, чур, то, что я не знаю!

– Подожди, мне плохо слышно. Она же на чердаке! М-м-м...

Я погладила плед – бежево-зелёный, клетчатый, шерстяной. Он немного колючий, но мне это даже нравится.

– Бархата говорит, что мой плед – это дракон!

– А мой? – оживился Гном.

– А твой плед – просто плед, – ответила я.

Ну правда, не всем же пледам быть драконами!

– Врёт твоя Бархата! – обиделся Гном. – И у тебя просто плед!

– Бархата говорит, что тех, кто ей не верит, утаскивают волки. А ты у окна спишь, тебя утащить легко. Вон шторы шевелятся!

Я услышала, как брат повернулся к окну. На самом деле не любила шутить такими вещами.

Гном затих. Я приподнялась на локте и тоже посмотрела на шторы. Кажется, они как-то неестественно бугрятся. Обычно шторы так не висят...

– Гном, я пошутила. Нет никого за окном, – прошептала я осторожно.

– Так я знаю, что никого нет.

– Они точно не шевелятся?

Мы замолчали, разглядывая в подвижной темноте неподвижные шторы, и только теперь поняли, что крики в родительской комнате стихли.

Темнота отступила, тени вернулись в углы.

– Давай спать, – предложила я.

Давно уже пора.

– Ага, – откликнулся Гном.

Я натянула плед до ушей. Когда ты мал и беспомощен, кто-то должен тебя защищать. Кто-то тёплый, уютный и немного колючий. Никаких рыцарей! Только драконы могут победить темноту, несчастья и грусть.

– Будешь моим драконом? – тихо шепнула я пледу.

И уснула.

Эту ночь я и привыкла считать днём знакомства с Бархатой и драконом.

* * *

Утро началось обычно: папа ушёл на работу, а мама крутилась у плиты в своём стареньком пёстром ситцевом халате, и её толстая русая коса тяжело свисала между лопаток до самого пояса. Я мечтала, что, когда вырасту, у меня тоже бу-

дет такая же коса (но нет, короткая стрижка – наше всё), а тогда щеголяла с тонким мышинным хвостиком, который мама называла «детскими волосами».

– Я перцы вчерашние разогрела. Будете? – предложила мама нам с братом.

Половинки фаршированного перца – два острова в подливке на моей тарелке. Это я вчера попросила их приготовить. С них-то всё и началось.

Они были большими, хрустящими, глянцево-красными. Я тщательно выскребла семечки, сполоснула пустые овощи, набирая в них воду, словно в стаканы, а потом наполнила начинкой из фарша и риса.

Мама запекла их в духовке, а после потушила в большой кастрюле с луком, морковкой и помидорами. Получилось праздничное блюдо в обычный будний день. Мне это показалось хорошей идеей – что-то хлопотно-вкусное в серый вторник.

А потом пришёл папа. Пока он мыл руки, мама выловила на тарелку два перца и полила их густой подливой. Вот тут-то я и заметила бегемотов. Густо-тёмные, тучные, они сидели за столом. И как я сразу их не заметила? Они же вошли вслед за папой. А папа посмотрел на обед, нахмурился и спросил:

– Где суп?

Ой, суп мы не успели приготовить.

Мама молчала, а отец стал выговаривать ей, что перцы он

совсем не любит и никогда не любил. Как же так? Я была уверена: это блюдо в семье нравится всем. Неужели ошиблась? Вот так влипла!

Уши горели от стыда, но мне не хватало смелости признаться папе, что перцы попросила я. Вместо этого я позорно сбежала – тихонько выскользнула на улицу и долго сидела на лавочке, наказывая себя бездействием за трусость. Гном звал играть, не понимая, что со мной, но мне было не до игр. Какие тут развлечения, когда я так виновата?

Настало утро, и мои враги теперь невинно лежали на тарелке, прикрывая начинку соусом. Из-за них – вчерашний день насмарку. Я принялась мять один из перечных остров, топя его в подливе. Вот тебе, получай, утони, исчезни!

– Мам, можно нам сегодня поиграть на чердаке? – спросил Гном.

– А что там интересного? Будете бегать, пыль поднимать. У меня там бельё сушится, – сказала мама, подсаживаясь к столу с чашкой чая. – Или начнёте ворошить вещи в коробках, вытаскивать и неаккуратно складывать назад. Знаю я вас. Да и духота там, наверху, такая.

– Нет, мам! Мы будем в той маленькой комнатке, в конце чердака! Откроем окно и приберёмся, – подхватила я. – Мы осторожно.

Гном не просто так просился на чердак... Бархата, которая знает всё на свете, живёт на чердаке.

– Прополите свёклу и морковку – и можете играть. Только

не торопитесь, а то в этом году останемся без овощей, – с напускной серьёзностью сказала мама.

Каждый день после завтрака мама расчёсывала меня и заплетала тонкий тугой колосок. Она не любила, когда я ходила растрёпой, а я не любила заплетаться и морщилась, когда мама от усердия дёргала прядки. Ох уж эти *детские волосы*: пушистые, лёгкие, непослушные.

Интересно, а какие волосы у Бархаты? Должны быть длинные-длинные и прямые – это красиво. А Бархата красивая.

Я угадала, Бархата.

Из зеркала на меня смотрела страдающая («красота требует жертв!») девчужка. Я похожа на папу: такое же круглое лицо, длинный узкий нос и большие голубые глаза. Только волосы цветом как у мамы.

Мама, будто поймав мои мысли, сказала вдруг:

– Гном, помнишь, раньше ты вслед за Шушу повторял, что глаза у тебя голубые, как у папы? Смешной был.

Да-да! Помню такое! Глаза у брата тёмно-карие, словно блестящие жуки.

Гном, который ждал меня, чтобы вместе идти на трудовую повинность, сердито запыхтел:

– Не было такого. Пойду поменяю Бобику воду.

Гном не любил, когда над ним смеялись, даже если это была милая шутка. Громко топая, он убежал на улицу.

Так, сейчас или никогда. Я вздохнула и быстро сказала:

– Прости меня за перцы, мама!

Мамины руки на мгновение замерли.

– Не переживай, он бы придрался к чему-нибудь другому, – ответила она и взяла резинку, чтобы закрепить косу.

Звучало неутешительно.

Я отправилась в огород. Брат в шутку боролся с нашим чёрным псом-дворнягой Бобиком. Тот радостно тявкал, бегая за ним и бряцая цепью, которая не давала глупому псу растоптать всё во дворе.

Гном такой же тёмный, лохматый и вечно грязный – с Бобиком один в один.

– Пойдём уже! – окликнула я брата.

Он побежал ко мне, и Бобик заскулил, натягивая цепь.

– Тебе с нами нельзя! – погрозил пальцем псу Гном.

В то время Гном на целую голову был ниже меня, хоть всего и на год младше. Мама постоянно утешала его, говоря, что придёт время – и он вытянется и даже перерастёт свою ехидную сестру, но мне тогда в это верилось мало. Подумать только, и впрямь перерос! Всё-таки взрослые иногда оказываются правы.

В огороде Гном принялся за свёклу, а я – за более вредную морковку. Настоящая сестра-героиня! Мы не баловались, а кропотливо работали, ведь успеть всё нужно было за утро, иначе потом солнце начнёт печь так, что никакая панاما не спасёт. Если трудиться усердно, то, когда солнечный золотой волк выйдет из-за крыши, чтобы наброситься на нас с неба, мы уже будем на чердаке, в теньке. Но почему эти сорняки

растут так быстро? Я совсем недавно полола морковь и уже каждую знаю «в лицо».

Я украдкой поглядывала на Гнома. Он печально сгорбился, низко наклонив голову. Макушка у него цвета земли и такая же взъерошенная, как разрыхлённая грядка. Солнце припекало, а Бархата осталась ночной тайной. Днём брата ей не развеселить. Да и вспоминать о ней сейчас как-то неловко. Про Бархату можно рассказывать только под холодный свет луны. А солнце смеётся над всем, даже над сказками.

Ну, вот и конец грядки! Уф! До свидания, госпожи моркови! До новых встреч! А они, поверьте, уже скоро! Вы не успеете соскучиться – а я вновь склонюсь над вами.

– Всё, на чердак! – резко выпрямилась я.

– Так нечестно! – завопил Гном, зло блеснув тёмными глазами-жуками. – Это я попросился там играть! Подожди меня! Помоги мне!

– Допальвай, а я намою нам морковки, – примирительно сказала я.

Гном тяжело вздохнул и опять сгорбился маленьким старичком, выбирая траву. Жалко его, конечно, но я и так всегда беру грядки сложнее. Пусть трудится, а мне пора взимать плату со своих пажей. Ещё во время прополки я приглядела оранжевые морковные кружочки побольше, торчащие из земли, и коварно пометила их палочками, чтобы сейчас легко найти. Выдернув четыре штучки, я помыла их под струёй воды из летнего крана. Холодная водичка и свежая морковь

– то, что нужно в такой жаркий день!

Гном тем временем тоже закончил. Наконец-то можно идти на чердак! Мы побежали домой, трясая зелёными пушистыми хвостами морковин и орошая лица, руки, ноги друга друга дождём мелких брызг.

Брат первый заскочил на веранду, юркнул в летнюю комнату и полез по крутой лестнице на чердак.

Я и сейчас боюсь высоты, а тогда приходила в ужас от любого подъёма. Я была «земной» девочкой – и на чердаке показывалась редко.

Но не уступать же всё интересное Гному! Обречённо взглянув на квадрат темноты, я стала подниматься по ступенькам, крепко, до белых костяшек, цепляясь за перила.

На чердаке было золотисто-сумрачно, пыльно, душно и пахло чем-то старым и забытым. Гном щёлкнул выключателем, и лампочка, которая свешивалась с потолочной балки ровно посередине чердака, тускло засветила, выхватывая из полумрака кружок пола под собой. Солнце робко заглядывало через три отверстия в треугольной стене под скатами крыши, затянутые паутиной толстой белой проволоки – чтобы не лазили кошки. словно колонны, чернели две трубы печей, а вдоль стен стояли зимние санки, противни для сушки грибов, старый телевизор, коробки с одеждой, из которой мы с Гномом выросли, и другие как бы нужные вещи, обречённые на чердачную вечность.

В конце чердака белела дверь в маленькую комнату. Этим

летом мы туда ещё не заходили.

– Вот здесь и живёт Бархата, – прошептала я, продолжая вчерашнюю игру.

Верхняя часть двери была стеклянной, занавешенной изнутри кружевным тюлем. Гном потянул дверь на себя, и мы зашли внутрь.

Здесь на полу, на газете, сушились луковки тюльпанов да в углу стоял перевернутый ящик. Вот и всё.

– Мне кажется, здесь невозможно жить, – сказал Гном.

– Приберёмся немного? – предложила я.

– А давай, – согласился брат.

До обеда кипела уборка. Мы собрали луковки тюльпанов и попросили маму найти для них другое место. Потом подмели пол, смахнули паутину со стен и затащили наверх ведро воды для мытья пола (неполное). Открыли окно и проветрили. Мама разрешила взять раскладушку и жёлтое покрывало. А я пожертвовала одну из маленьких вязаных подушек (обычно они раздавались гостям для игр на полу). Перевернутый ящик пододвинули к окну и накрыли куском старой скатерти – получился стол. Потом Гном притащил маленькую скамеечку, а я нарвала одуванчиков и поставила их на стол в стеклянной банке.

– Это комната Бархаты, – торжественно объявила я, когда мы закончили и повалились на раскладушку.

– А мы можем играть здесь? – спросил Гном.

– Да. Думаю, Бархата будет не против.

– А как она выглядит? – мечтательно глядя в потолок, поинтересовался Гном.

– А ты как думаешь?

Гном почесал затылок.

– С длинными-длинными волосами и в сером платье. Похожа на большую ночную бабочку.

– Такая она и есть, – подтвердила я.

Я встала с раскладушки, облокотилась на подоконник и выглянула из открытого окна. Прямо ко мне тянула ветви раскидистая черёмуха. Внизу – огород, потом забор, дорога. А дальше – водонапорная башня, рельсы-шпалы, за ними – трава-трава и другая улица. Хороший с чердака открывается вид! Только вот душно...

Крышу нагрело: золотой волк улёгся на шифер, и в чердачной комнатке, даже при открытом окне, нечем стало дышать. Бархате ночами здесь прохладнее, определённо.

– Надо спускаться, – вздохнула я.

– Не хочется, – протянул Гном. – А как Бархата узнает, что это мы прибрались в её комнатке?

– Напишем ей письмо! – решила я.

Моё первое письмо на чердак.

Здравствуй, Бархата.

Мы рады, что ты поселилась на нашем чердаке. Можно мы иногда будем приходить к тебе в гости?

Шушу и Гном

...Печатными буквами вывела я на листке в клетку. Больше ничего не придумала. Гном пририсовал цветок.

– А если мама найдёт письмо? – усомнился Гном.

– Спрячем его под ящик: он же не простой, а почтовый, и Бархата заберёт, – выкрутилась я.

Вечером папа с работы не пришёл. Но мы, в общем-то, не удивились: после ссор бывало такое и раньше.

Я занялась рукоделием: пришила на уголок пледа две чёрные пуговицы и красную бусину.

– Это глазки и носик, – пояснила я брату, который наблюдал за мной со своей кровати, отложив руку робота после тщетных попыток вернуть её законному хозяину. – Бархата же сказала, что мой плед – дракон. А красный нос у него – как у оленёнка Рудольфа.

– А почему глаза ты тоже красной ниткой пришила? – спросил Гном.

Просто не люблю я нитку в иголку вставлять: трудное это занятие, а нос пришивала первым, вот она красная и осталась.

– Так надо. По... по фэн-шую.

Хорошо, что есть много спасительных слов, которыми можно прикрыть свою лень, например.

– Тогда пришей и моему пледу глаза и нос! – воскликнул Гном.

– Нет, – я прижала к себе жестяную банку с пуговицами.

– Но почему? – спросил недовольный Гном, прищуривая тёмные глаза-жуки.

– Твой плед – обычный плед. Бархата не говорила, что он тоже дракон. А глазки и носики нужны только пледам-драконам.

В конце концов, не всё же Гному! Я и так подарила ему Бархату!

– И мой плед – дракон, – буркнул Гном, однако за пуговицы драться не стал.

Всё-таки он тоже верил словам Бархаты, хотя сейчас это было и несправедливо по отношению к нему.

* * *

На самом деле я тайно горжусь своим братом и завидую ему одновременно. Он такой храбрый! И, кажется, ничего не боится! Не то что я, трусиха. Меня пугают высота, осы и замки в туалетах (один из них точно когда-нибудь заклинит). Особенно меня страшат общественные туалеты с незнакомыми замками. И, сидя на унитазе, я частенько представляю, что замок сейчас не откроется – и я буду дёргать дверь и позорно взывать о помощи. Услышит ли меня кто-нибудь? А если замок заклинит в кабинке вокзального туалета? Тогда поезд уедет без меня...

В то время меня ещё пугала Темнота. Приходит она но-

чью, садится в углы, расправляет подол чёрного платья. Теперь я её не боюсь: Темнота не таит ничего опасного. Ночные жители пушисты и мягки. Они кажутся страшными, но на самом деле безобиднее мухи. Не то что жители дневные. Под солнцем чувства нагреваются, бурля, рвутся наружу, и мы обижаем, сердимся, раним словами.

Ночные жители бесшумно перебегают из угла в угол, прячутся в шкафах, под кроватью, за шторами, легко шелестят, как мягкие бабочки.

Гном ровно дышал во сне. Он засыпал сразу, как касался головой подушки. Я завернулась в одеяло и плед с головой, оставив, как всегда, маленькую дырочку для дыхания. Жарко, душно... зато безопасно. Никто не утащит меня в темноту...

Под кроватью тихо скрёбся мой ночной жилец. Котти-Когти. Днём я о ней не вспоминала, но стоило лечь в постель... Мама выключала свет, и я оставалась один на один с подкроватным монстром. Он легко шебуршался, ожидая, когда покажется голая, желтовато-холодная в лунном свете пятка или коленка, – прямо медведь, стерегущий форель в ручье! Стоит забыться и оголить ступню, как меня схватит рука и утащит в пропасть под кроватью. Откуда я знала? Монстр как-то нашептал мне это ночью на ушко.

Я до мурашек на спине представляла прикосновение его склизкой руки. А вот монстра представить не могла. Только руку... Большущую, голубоватую, в струпьях и с жёлто-зе-

лёными крепкими ногтями...

Мама предложила как-то раз:

– А ты постарайся из страшного сделать смешное. Я в детстве представляла своих чудовищ в шляпках. Они становились нарядными и милыми, и я их больше не боялась.

Я мысленно прихлопнула Когти-Когти шляпой. Нежно-розовой, с аккуратными толстыми розочками, какие бывают на масляных тортах. Большой бант из красной органзы дополнил милую шляпку... И голубоватая рука со струпьями и жёлтыми грязными когтями, которая тянется и тянется из-под шляпы, как улитка из раковины. Тянется, чтобы схватить за ногу. Фу!

Я зажмурилась и закрыла отверстие для дыхания. Вдруг рука схватит за нос, не дождавшись ноги?! За нос тащить нелегко, но если постараться... Тем более нос у меня острый и длинный. Лучше в духоте, чем в страхе!

«Мой дракон, помоги! – приказала я пледу. – Давай дружить! Ты будешь моим защитником!»

Обретя дракона-защитника, я наконец успокоилась и позволила себе уснуть.

* * *

Ночью я проснулась от холода. Когда я мёрзла, сразу начинала кашлять. Покашливая, я механически пошарила в поисках пледа вокруг и по полу, забыв спросонья про всех чу-

довищ. Но пледа рядом не оказалось.

Это пахивало кражей. Гном, наверное, тоже замёрз и низко поступил со мной: давно известно, что младшие братья – самые бессердечные существа.

Вдруг я услышала шорох у двери. Отчётливый шорох, а не тихий шелест ночных страхов. Я посмотрела туда... Мрак вокруг словно разбавили, как разбавляют водой акварель, и я увидела плед... или что-то похожее на него.

Плед вздулся на ковре бугром, загораживая вход, растопырив два противоположных угла. Влажно блестящие чёрные глаза с красными искорками смотрели прямо на меня. Оттопыренный, этот угол с глазами напоминал мне треугольную мордочку змеи.

– Я согласен, – сказал неожиданно Плед тонким голоском.

Странно, но я не испугалась. Это я – боящаяся каждого шевеления воздуха, дыхания дома, скрипа черёмухи за окном. Наверное, страх в такие минуты просто отключается, потому что происходящее кажется нелепостью и похоже на сон, а не на реальность.

– На что согласен? – спросила шёпотом я.

– На что? – удивился Плед. – На дружбу. Или ты берёшь свои слова обратно?

– Конечно, нет! – спохватилась я, пока ещё ничего не понимая. – Я очень рада! Но кто ты такой?

– Я? Я твой дракон. Меня зовут Плед!

– А я Света, – на всякий случай представилась я.

Но это же мой плед, он наверняка знает, как меня зовут. Хотя... Я, наверное, известна ему под другим именем. Поэтому добавила:

– Шушу.

– Надеюсь, дружба наша будет крепкой! – сказал дракон, или Плед, или кто его там разберёт. – А теперь пойдём со мной.

Родители всегда наставляли: нельзя никуда ходить с незнакомцами. Но плед же этот я знаю уже несколько лет. Я помню, как папа привёз его из Москвы и набросил на мою кровать. Постель превратилась в зелёный луг, разбитый на квадраты коричневыми тропинками. И это оказался лучший подарок в моей жизни.

Я покорно встала с кровати, а Плед выскользнул за дверь. Я выглянула в коридор. Плед передвигался странно: он то перебирал двумя противоположными уголками-«лапками», то поджимал их и скользил, как змея, но не касался земли. Я последовала за ним.

– Ты куда? – приподнял голову с подушки Гном.

– За драконом, – ответила я, но, спохватившись, что Гном ещё не в курсе, добавила: – То есть за пледом.

Гном распахнул глаза – в полумраке детской они казались неестественно огромными бездонными колодцами ночи.

– Я с тобой!

– Давай живее!

Мне не хотелось оставаться в темноте, хотелось к Пледу,

который своей острой треугольной мордочкой резал ночь и разбавлял мрак. С ним всегда было уютнее.

Мы вышли из дома на веранду, брат в белой пижаме напоминал мне привидение. Дверь в летнюю комнату оказалась открытой. Храбрый Гном вошёл первым, а потом уже и я – Плед поджидал нас на чердачной лестнице. Вокруг него темнота поблёкла до светлой серости.

Плед взлетел наверх, и мы поспешили за ним. Эх, эта чердачная лестница! Но сегодня я была бесстрашна и ловка, как никогда. Мрак расступался перед Пледом, и я ясно, как днём, различала коробки, и санки, и лыжи, и нашего клетчатого проводника. А в конце чердака, залитая лунным светом, сияла летняя комнатка, и на раскладушке, которую мы поставили вчера, сидела девушка!

Она была тонкой, изящной и маленькой. Длинные прямые пепельного цвета волосы, похожие на струи осеннего дождя, сбегали по её спине на раскладушку и на пол. Её голову украшал венок из голых веток, а платье, из множества слоёв лёгкой полупрозрачной ткани, было дымчато-серым с мятно-зелёным. Бархата. Конечно, Бархата. Тёплая, уютная, нежная Бархата, словно мамина шаль, словно молоко с мёдом, словно летние сумерки.

Перед Бархатой, в пучке лунного света, стояла самая хрупкая ваза, которую я когда-либо видела, с тончайшими стенками, похожими на корочку льда. В вазе на наших глазах распускались нежные молочно-голубые розы с белыми

выпуклыми прожилками на лепестках. Бархата провела над цветами ладонью – и они потянулись вслед за рукой, поворачивая тяжёлые царственные головки. Бархату это забавляло, и она улыбалась.

Ты всегда так много улыбалась, Бархата. В твою улыбку можно было завернуться и согреться холодной ночью. Твоей улыбки так не хватало днём.

Но вот тучи за окном сомкнулись, скрыв луну, и ваза с цветами исчезла. Бархата положила руки на колени и приветливо посмотрела на нас дымчатыми глазами.

– Доброй ночи!

Дракон по имени Плед прижался к многослойной юбке. Мы с Гномом переглянулись, и брат сказал:

– Бархата.

Она улыбнулась. Рот маленький и аккуратный, а лицо круглое. Как у меня.

Бархата! Конечно, это Бархата! Серые глаза и пушистые ресницы, а кожа бледная и светится изнутри луной.

Мы вошли в комнатку и сели у её ног, а Плед юркнул за спину Бархаты и растянулся на раскладушке, поглядывая на нас чёрными глазами с красными искрами.

– Хотите, я расскажу вам о людях? О том, чем дети отличаются от взрослых? – спросила она.

Бархата, которая знает всё на свете.

Я рассматривала треугольные носочки её туфель, выглядывающие из-под полупрозрачных слоёв платья. Они были

расшиты голубым и белым бисером.

– Дети – это зелёные взрослые. Им надо расти и учиться, – сказал Гном.

Я с одобрением посмотрела на брата. Всё-таки он всегда знает, что сказать! У меня же голова, казалось, была пустой, я ничего не соображала, только глядела на Бархату, боясь разрушить сон. Казалось, ляпни я какую-нибудь глупость – и она выпорхнет в окно и исчезнет навсегда.

Бархата улыбнулась Гному:

– У каждого человека внутри сердца горит маленькое пламя, которое мы зовём внутренним светом. Это пламя настроено на волшебство. Это интуиция, предчувствие, озарение. У детей этот свет намного ярче, чем у взрослых, и благодаря ему они могут находить тайные миры.

– Тайные миры? Параллельные, что ли? – спросил Гном.

– Нет, островные. Они в этом же мире, но прячутся. Вы только иногда слышите об их жителях – о колдунах, русалках, драконах. Всё это тайные миры.

– Островные тайные миры, – повторил Гном.

Я же продолжала скромно молчать.

– Тайные миры прячутся на чердаках, в дуплах деревьев, на дне лесных озёр, в подвалах заброшек. Тайные миры похожи на маленьких осторожных зверят, их сложно увидеть, ещё сложнее поймать. Только дети могут. Благодаря внутреннему свету, который озаряет миры и выхватывает их из тёмных углов.

– А я, наоборот, хочу скорее вырасти. Надоело быть ребёнком, – сказал непосредственный Гном.

– На самом деле мы не делим людей на детей и взрослых, – уточнила Бархата. – Мы делим их на Лампы, Свечи, Светлячков и *сам свет*. Когда горит свеча, свет прикован к ней. В Светлячках свет может путешествовать, а просто свету, СамСветам, доступно всё.

– И мы СамСветы, – подытожил брат.

– Гном! – возмутилась я.

Иногда его непосредственность всё-таки раздражает!

– Что? – не понял Гном. – Не будь ты СамСветом, разве бы сидела с Бархатой и болтала бы с пледом?!

– Я дракон! – пискнул Плед из-за спины Бархаты.

– Да, ты прав. Вы – СамСветы, – подтвердила Бархата. – И я хочу пригласить вас в гости. Вы же ко мне собирались? Я нашла ваше письмо.

– Но мы уже у тебя в гостях, – робко сказала я, первый раз обратившись к Бархате.

– У меня есть ещё один дом. Настоящий. Хотите его увидеть? Это мой тайный островной мир – Тёмный Уголок.

– Конечно, хотим! – обрадовался Гном.

– Тогда приглашаю вас завтра.

– А как мы найдём дорогу?

– Пойдём за внутренним светом? – предположил Гном.

– Дракон вас проводит, – ответила Бархата, и Плед кивнул треугольной мордочкой.

Бархата встала, и мы поднялись тоже. Она взяла нас за руки. Я думала, ладонь её будет тёплой, как и вся Бархата, но её прикосновение неожиданно оказалось холодным, и мои пальцы сразу стали замерзать.

Мы очутились в детской.

– Смотрите, – сказала Бархата.

Пол в комнате покрывали серебристо-голубые следы и следочки. Одни едва виднелись, другие бросались в глаза сиянием.

– Это следы тех, кто прошёл через ваш дом. Лунная пыль остаётся на следах, и они светятся, – пояснила Бархата.

– Лунные следы, – сказала я, сердито отмечая искрящиеся мазки, ведущие под мою кровать.

– А вот мои следы.

Бархата сделала шаг назад, и мы увидели аккуратный след её туфельки – треугольник и широкую точку каблучка.

– Бегите по моим следам – и придёте ко мне, – сказала Бархата. – А теперь пора прощаться. До завтра.

И Бархата выпустила наши ладони.

Анжела Князь Просто запись 1

Даже не верится, что большую часть своей жизни я проведу без него, зная, что он где-то рядом и одновременно так далеко...

Он, может, будет бывать в моём доме и даже смотреть, как я сплю... Да кого я обманываю... Он больше никогда не придёт. Тряхнёт головой, чтобы забыть обо мне. А я забывать о нём не хочу.

Подорожники, кем была я и другие дети, проходящие в Тёмный Уголок, долго там не задерживаются, – и, когда решают уйти, вернуться шанса у них больше нет. От него останутся лишь смутные видения, словно интересный сон, который силишься вспомнить утром, но не можешь.

Поэтому я решила всё записать. Хотела по датам, как и принято вести дневник, но я даже не помню, в какой день побывала в Тёмном Уголке впервые. Железнодорожный билет так мною затискан, что все надписи стёрлись, и ничего уже не разобрать, а высчитывать я не хочу. Да и кому нужны эти даты – точно не мне. И не ему. Его совсем не интересует, первое июля сегодня или тридцатое. Он слишком долго жил, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Поэтому так. Просто записи. Поехали.

Начало моей второй жизни – это июльская ночь в поезде, когда мы Счастливой Семьёй возвращались домой из Питера, где гостили у бабушки моей сводной сестры Джин.

Питер, наплевав на середину лета, был мерзок, холоден и дождлив. Даже Джин пришибленно стояла, натягивая капюшон ветровки на глаза. Я тоже низко опустила голову, прячась от холодной мороси, и глядела на отражение луны в лу-

жах на перроне.

Луна в луже. Кажется, её можно растоптать ногами.

«Что я жалок и не нужен, просто лунный свет на лужах», – выхватила я как-то фразу из интернета и теперь частенько прокручиваю в голове эти строки. Они обо мне.

Наконец мы погрузились в поезд. Прощай, дождливый холодный Питер.

Джин отогрелась и начала скакать по купе, как обезьяна. Точнее – как хорёк: такая же мелкая, даже для своих десяти лет, пронырливая, тёмная и острозубая. Забралась на верхнюю полку, резко соскочила вниз, бросилась к своему рюкзаку и достала маленький амулет – ловец снов. Он у неё коричнево-красный, на длинной цепочке, и она надевает его на шею, как кулон. Ловец очень потрёпанный, но она не расстаётся с ним: ей его сделала покойная мама. Да, бедняжка Джин – сирота, все вокруг неё вечно охают – жалеют крошку.

Но я не об этом хотела писать. О другом. О важном.

Я выскользнула из купе, оставив маму и Алексея укладывать Хорька спать. И в узком коридоре поезда я встретила его. Наставника. Моего Царя Волка.

Он стоял у соседнего окна, наблюдая, как мимо проносятся фонари.

Я закрыла дверь в купе, чтобы не слышать визги Джин, и облокотилась на поручень. Сначала я тоже уставилась в квадрат окна, в котором были отражение меня да пятна фонарей прощающегося города. И ещё луна в углу.

Моё отражение глядело на меня серьёзными тёмными глазами, которые на самом деле зелёные. Уголки пухлых губ опущены, а тусклый свет выкрал веснушки. Этим летом пятнышек на носу немного, и мама даже считает их милыми. Длинные вьющиеся волосы хаотично обкромсаны на макушке – это я сама постаралась. А за цвет спасибо женской половине Счастливой Семьи: ярко-рыжие.

И я всё ещё чувствовала запах травы, исходящий от них, словно была лесной ведьмой. Это бабушка Хорька предложила мне подкраситься хной, чтобы «освежить» мой и без того рыжий цвет. Ага, я не её внучка, и надо мной не страшно экспериментировать. Мама с Джин возликовали от идеи, и даже мне стало интересно. Я тогда не подумала, что после придётся подкрашивать корни каждые два месяца. Мама, бабушка и Джин потом отправились пить чай, а я – вымывать эту хну. Ну и хлопотное дело. И как я могла на это согласиться?

Да и вообще, зачем я всё это пишу? Про цвет волос. Ведь *ему* было всё равно.

Я оторвалась от созерцания себя, не очень-то вдохновившись зрелищем, и стала украдкой разглядывать незнакомца.

Описать его? Но неужели его я тоже забуду? Нет, это невозможно. Ведь я где-то читала, что первая любовь не забывается... Но если Задорожье, как называют в Тёмном Уголке наш мир, заберёт у меня все воспоминания, останется только этот дневник. И в нём я хочу сохранить всё о Мо-

ём Волке.

Высокий, хорошо сложен, сильный и взрослый. Я могла рассматривать его, почти не таясь, ведь такие не обращают внимания на тощих пятнадцатилетних подростков-лягушат.

Шея у него короткая, голова массивная, волосы чёрные-чёрные, сзади коротко острижены, а длинные пряди спереди зачёсаны на одну сторону и падают на лицо, скрывая его от меня.

По описанию выходит не красавец... Странно, ведь он притягательно красив. Он как зверь, но это его не портит... Как раз наоборот... (опять поставлю любимые три точки). Уголки большого рта чуть приподняты, готовые растянуться в улыбке или... оскале. А глаза у него тёмные, бордовые, словно вишни...

Но я забегаю вперёд. Глаз я тогда не видела, а изучала его одежду: тёмные зелёные, похожие на армейские, штаны, заправленные в высокие ботинки, и чёрная кофта с длинными рукавами.

В коридоре приглушили на ночь свет, фонари остались в Питере, и только полная луна сияла в углу квадратного окна.

– Ты была когда-нибудь там, на Луне? – неожиданно спросил он у меня и посмотрел своим вишнёвым взглядом.

Под его глазами чернели тени, и Волк показался мне таким грустно-потухшим, словно бесконечно устал от этого мира. Я его понимала. Я тоже устала. И когда он глянул на меня вишнёвыми глазами, словно окунув в красный цвет

своих тайн, я влюбилась в него по уши. Навсегда. Любовь с первого взгляда – оказывается, это буквально.

– Нет. Не была, – прошептала я, взглянула на него и быстро отвела глаза.

Моё отражение испуганно пялилось на меня из квадратного чёрного колодца. Сердце бешено колотилось в груди: ведь *он* обратился ко мне. Ко мне!

– А хотела бы побывать?

– Наверное.

Только если с тобой. С тобой – куда угодно.

– А хотела бы встретить меня ещё раз?

Я хочу видеть тебя каждый день...

Сейчас для меня существовал только узкий коридор вагона, в котором стояли он и я. Но когда мы выйдем из поезда в этот не по-летнему холодным мир и потеряемся в нём, моё сердце разобьётся на тысячу осколков, и мне его уже не собрать.

– Да. Я хочу тебя встретить, – сказала я и вновь решилась посмотреть на него.

Мой Волк.

– Тогда думай о луне. А сейчас иди.

Я покорно развернулась и вошла в купе. Как ни странно, но все уже спали. Джин сопела наверху. На её кулачок была намотана цепочка с ловцом снов. Я села на нижнюю полку и стала смотреть, как он качается от движения поезда.

Я должна думать о луне. И я засыпала с мыслями об этом

бледном небесном шарике и удивительном незнакомце.

В ту ночь я впервые очутилась в Тёмном Уголке.

Шушу и Гном Письмо 2

Здравствуй, Бархата.

Мне так хочется сбегать и передать всё, что я чувствовала в те тайные ночи. Мне хочется поймать тебя буквами и сохранить в этих строках твои глаза, твою улыбку, твои истории. Для тебя мы были очередными *подорожниками*, а ты для нас – целый мир и убежище.

Так вот. Я проснулась и села в кровати. Гном тоже открыл глаза.

– Мне приснился сон... – осторожно начала я.

– Думаю, я тоже его видел, – сказал Гном.

Я погладила плед – мои зелёные луга и коричневые дорожки.

– Думаешь, это всё по правде?

– Раз нам снился одинаковый сон...

На завтрак была овсянка с маслом и брусничным вареньем. Я любила овсянку, а Гном не очень. Он быстро закинул её в себя и спросил у мамы:

– Можно нам поиграть наверху?

Мама уткнулась в книгу, медленно попивая чай. У неё иногда приключалось непонятное настроение, особенно когда папа пропадал. Нам говорили, что он много работает. Я до сих пор предпочитаю думать так. Ту пыльную историю я не хочу доставать из коробки.

Мама машинально кивнула, не отрываясь от книги, и махнула рукой: делайте что хотите.

– Может, тебе нужна помощь? – нерешительно предположила я. – Чем ты сейчас займёшься?

Родители своим странным поведением последнее время доставляли нам много хлопот. Тяжело быть ребёнком: цветные кусочки взрослых историй никак не хотят складываться в цельную картину. Перебираешь-перебираешь детали мозаики – и понимаешь вдруг, что тебе дали не все. Хитрые взрослые.

– Идите, вы будете только мешать. Я сама быстрее управлюсь, – пробурчала мама, отгородившись книгой, как щитом.

Да, явно не в настроении.

– Может, хотя бы расставим игрушки в комнате? – сказала я Гному.

Мне было тревожно. Я боялась возвращения папы. Его истории походили на неповоротливых тёмных бегемотов, которые приходили вслед за ним и заполняли дом тяжестью.

– Давай потом, – решил Гном. – Сначала надо навестить чердак.

Да, меня тоже после ночных приключений тянуло наверх.

В чердачной комнатке всё было так, как мы оставили вчерашним днём, только одуванчики в стеклянной банке завяли. А ночью здесь цвели лунные розы! Я вытащила из кармашка платья припасённую с завтрака конфету и положила её на перевёрнутый ящик. Для Бархаты.

Папа пришёл с работы позже обычного: видимо, не торопился домой. Мы с Гномом смущённо поздоровались с ним и стаей бегемотов, которых родители предпочитали не за-

мечать. Мама демонстративно молчала, поджав губы и глядя колюче, а потом и вовсе вышла на улицу обрезать усы у клубники. Эх, значит, я за хозяйку: быстро нарезала хлеб – неровно, но как смогла, налила суп в тарелку и побежала поливать огород. Слишком много бегемотов сегодня в доме, тяжело находиться среди них. На воздухе свободнее и легче.

Гном, в шортах и резиновых сапогах на босу ногу, уже черпал воду из большой бочки и наливал в свою голубую лейку. Рядом валялась моя красная «сирота». Солнечный золотой волк перевалил за крышу и прятался в деревьях, став красно-оранжевым и совсем не кусачим. Я посмотрела на наш зелёный деревянный дом с мезонином, где и пряталась чердачная комнатка. Солнце заходит – просыпается Бархата.

– Эй, – окликнул Гном. – Я не собираюсь всё один поливать!

Я подобрала свою лейку. Вот бы поливать бесконечно в густом закатном свете под запах остывающей травы, а если бесконечность всё-таки оборвётся – то бегать и бегать, топчя росу и цветы. Дома будет буря.

И буря случилась. Мама закончила с клубникой, вернулась в дом, и папа махнул с веранды, зовя нас тоже. Мы бросили наши лейки у бочки и поплелись на казнь. Сегодня не будет мультфильмов и уютных посиделок после жаркого, расплавляющего мир дня. Сели за стол на кухне – но не для ужина, а бегемоты пристроились по углам и клубились тучными телами. Папа закурил. Я не любила табачный дым и

старалась не дышать, коротко захватывая воздух, словно во-
руя его.

Папа стал говорить. Неважно что. Такие разговоры были нередки. Удручающе пустые, бегемотно тяжёлые. Перепало всем. Вспомнил и мой новый костюмчик, который я выпро-
сила к учебному году, – красивый спортивный костюм, но совершенно непрактичный. Поэтому пришлось купить ещё один. Но папа тогда не противился! И почему я захотела этот костюм? Обошлась бы без него. Папа работает, папе этот ко-
стюм не нужен, но он купил его для меня. Справедливости ради напишу, что папа был прав: я потом этот костюм так почти и не носила. Или не носила, потому что папа был прав?

От сигаретного дыма тошнило. Нужно не думать, нужно отвлечься. Пол в детской покрыт невидимыми следами. На-
ступит ночь, выйдет луна – и палас заискрится призрачными тропинками. Среди этих следов чётко видны одни – с тре-
угольными носочками, от туфелек Бархаты. Треугольные но-
сочки. Они с Гномом побегут по ним. Бархата пригласила их в гости. Тайный островной мир – Тёмный Уголок.

– Сидите на моей шее. Ну и куда вы пойдёте? На что бу-
дете жить? Дом я продам. Зачем мне одному такой большой дом?

Наш прекрасный чудесный дом... С детской, черёмухой за окном, с чердаком, с Бархатой.

Я всё-таки не выдержала и разрыдалась. И никакие лун-
ные следы не могли меня утешить и отвлечь.

Бархата, милая Бархата.

Нас отпустили в детскую. Разговор закончен. Бегемоты ушли тёмными густыми клубами, толстые и счастливые. Осталась лишь пустота.

Я чувствовала себя больной. Накрылась с головой зелёным шерстяным пледом – колючим драконом, защитником от подкроватных монстров. Правда, сейчас он ничем не поможет. Только теплом. Но это мне тоже нужно. Тёплый клетчатый плед-дракон в пасмурно-грустный вечер.

Пришла мама.

– Пойдёте пить чай? Шушу спит?

– Кажется, да, – ответил Гном.

Брат знал, что я не сплю, но не выдал. На кухне будет традиционное примирительное чаепитие. Папа, наверное, принес конфет. Он всегда так делал – сначала все эти разговоры-разговоры, обвинения, а потом достаёт из сумки конфеты. Но я не хотела ни шевелиться, ни вставать, ни конфет.

Надо расти быстрее. Стать взрослой. И тогда не нужен будет такой большой дом, и папе не придётся много работать, а маме постоянно стирать, убирать и готовить. Вырасту я, куплю собственный маленький домик с садом и Гнома к себе заберу. Мы будем делать только то, что нам нравится, вообще никогда не есть суп, и для полного счастья нам нужен будет только чердак для тайного мира и Бархаты.

Кажется, я задремала – но пол вдруг заискрился следами.

Следы появились!

Я вскочила с постели. Уже наступила ночь. Ого! С расстройства я проспала весь вечер. Гном завозился на своей постели и тоже встал.

Где её следы? Где?

– Вот же они! – словно прочитав мои мысли, пискнул Плед.

Он вовсе не дракон, он – щенок. И сейчас его глаза блестя радостью и азартом.

Плед, как и вчера, вылетел из детской, и мы устремились за ним, забрались на чердак, ворвались в комнатку и увидели распахнутое окно и от него – сияющую цепочку следов с треугольными носочками, которая поднималась выше черёмухи, в небо, прямо к луне.

Плед вылетел на улицу, завис в воздухе и посмотрел на нас чёрными глазами-бусинками с красными искрами.

– Нам туда? – нерешительно уточнила я.

– Следы вы видите? – спросил Плед в ответ тонким птичьим голоском.

Я кивнула. Гном тоже.

– Тогда бегите по следам! Вы же подорожники!

– Мы СамСветы, – уточнил Гном.

– Одно и то же, – хихикнул Плед.

– «СамСветы» звучит лучше, – заметил Гном.

Я была с ним согласна. Подорожник – это ведь как растение!

– Перед вами *Дорога*, а если вы пойдёте *по Дороге*, то станете *подорожниками*, – упрямылся Плед. – Идите уже, а то будем препираться всю ночь!

– Я похож на Питера Пэна, – буркнул Гном, залез на узкий подоконник и сделал шаг вперёд.

Я в ужасе закрыла рот руками. Но Гном повис в воздухе. Мне казалось, что я ни за что и никогда не повторю этот трюк. Ещё чего! Выходить в чердачное окно!

– Не страшно! – сказал Гном и ехидно показал мне язык, а потом побежал вверх.

– Чего ты ждёшь? Давай за ним! – скомандовал Плед.

Но я продолжала стоять, и глаза щипало от слёз. Что-то слишком много я плакала в тот день.

– Никогда не встречал таких трусливых СамСветов, – пропищал Плед. – Ты же ребёнок! Ты должна любить приключения!

Я тяжело вздохнула, грубо вытирая слёзы кулаком и ненавидя себя за них.

– Я так боюсь высоты, что не могу думать ни о каких приключениях.

Плед влетел обратно в комнатку и расправился:

– Давай, залезай. Сегодня поработаю ковром-самолётом. Не зря же я твой наставник!

Мои зелёные луга и коричневые дорожки – что бы я делала без них!

Я забралась на плед. Тёплый, привычный, колючий.

– И я! – Гном прыгнул на плед рядом со мной.

– Эй, не слишком ли много пассажиров на одном драконе?! – пискнул Плед. – Ну ладно, что с вас возьмёшь. Поехали!

И мы полетели в небо, к звёздам, к Луне! Невероятно, но казалось, что пространство сужается, словно мы летим в угол космоса. И, когда мы почти достигли этого угла, словно растегнули молнию и на мгновение всё пропало: свет, и звёзды, и Плед, и Гном, и даже я.

Моргнула – и будто не было путешествия: я снова лежала на кровати.

Так это был сон? Но постойте, я не дома, я в чужой комнате, белой и пустой, не считая моей кровати и соседней, на которой сидел Гном.

– Где это мы? – спросил брат.

– Я не знаю. Интересно, этот сон опять окажется общим?

Гном хмыкнул:

– Думаю, да.

И вдруг засмеялся, тыкая в меня пальцем.

– Ты только посмотри!

– Что? – Я машинально схватилась руками за лицо. – Что со мной?

– Да не с лицом! Сзади! Этот сон я точно запомню! – хо-

хотал Гном.

– Как ты увидел сзади? – не поняла я.

Дурацкие шутки. Но я обернулась и всё поняла: на белых простынях вальяжно раскинулся тонкий розовый хвост. Мой хвост! Я осторожно подёрнула им.

– Тымышь! – хохотал брат. – Не зря я звал тебя Шушу!

На окне всколыхнулись белые ажурные занавески, и в комнату влетел Плед.

– Добро пожаловать в Тёмный Уголок! – прочирикал он и закрутился под потолком.

– Где мы, и почему у меня хвост?! – воскликнула я вместо приветствия.

Хотя какие приветствия? Мы же виделись минуту назад.

– Хе. Так на тебя действует местная магия, – объяснил Плед, летая по комнате кругами.

– А на него почему не действует? – возмущённо указала я на Гнома.

– Так где же мы? – повторил вопрос Гном.

– В Тёмном Уголке, в своём замке, – ответил Плед на вопрос брата.

– Это наш замок? – удивлённо переспросил Гном.

– Ага! Он самый! Ваш новорождённый замок!

– Скорее! Нужно его осмотреть! – запрыгал на кровати Гном.

Я перестала дёргать новоиспечённый хвост, убедившись, что он держится крепко, никуда не собираясь деваться, и по-

спешила за братом, который уже стоял возле выхода. Гном открыл дверь, и мы очутились в зелёном полукруглом зале, по периметру которого было три деревянных двери с ручками-кольцами, не считая той, из которой мы вышли.

– Вперёд, на поиски сокровищ! – воскликнул Гном.

Одна дверь скрывала пустую комнату, вторая была заперта, а третья, с массивным засовом, вела наружу.

– Ничего интересного! – разочарованно протянул Гном.

Он сдвинул засов, и мы выглянули на улицу.

Наш замок оказался окружён сумрачным лесом. Но темно не было благодаря множеству жёлто-зелёных и фиолетово-лиловых огоньков-светлячков. Мелкие, совсем как пыль, собирались в облачка, а большие плыли по воздуху гордыми одиночками.

Я сделала несколько осторожных шагов по зелёному плотному мху, который рос тут везде. Босыми ступнями так приятно ходить по прохладному и пушистому! А огромные деревья, которые не обхватить, где-то высоко наверху плели кружево из ветвей. Но от многих из них остались только пни выше человеческого роста, поросшие мхом, с гребешками грибов-трутовиков и светящимися выпуклыми наростами, похожими на глаза в красной сетке сосудов. Некоторые стволы старых сизо-серых деревьев покрывались растениями-паразитами, похожими на чёрных перевёрнутых осьминогов. Между деревьями, будто обрывки фаты, колыхалась паутина.

– Вот это лес! – воскликнул Гном восхищённо.

– Какой-то жуткий, – поёжилась я и пошевелила пальцами ног во мху.

А вот мох мне нравился. Он был мягким и приятно прохладным.

Гном отбежал к деревьям и резко развернулся, чтобы окинуть взглядом замок. Лицо его помрачнело. Ну что там ещё с нашим замком? У него тоже есть хвост?

Я обернулась и поняла, почему Гном так отреагировал: замок был совсем крошечным, кругленьким, блёкло-зелёным, с окошками в голубых наличниках. Вторым этажом шла башенка, а над арочной дверью под острой двускатной крышей болтался тусклый фонарь. Ничего особенного – маленький домик, который решил считать себя замком, как Плед – драконом.

– Ого! У нас даже есть башенка! – без энтузиазма протянул Гном. – Какой-то домик лесника, а не замок.

– А почему в нём ничего нет, кроме кроватей? – спросила я у Пледа, вылетевшего из окна.

– Замок же новорождённый! Ему только один день, – пояснил Плед.

– А почему мы в башню не можем попасть? Вход в неё за закрытой дверью? – поинтересовался раздосадованный Гном.

– Там живёт Бархата, – ответил Плед.

– Ну вот! – обиженно воскликнул брат. – Единственная

башня нашего малютки уже занята!

– А я рада, что здесь живёт Бархата, и замок мне очень нравится, – прижалась я щекой к холодной стене. – Ты только подумай, ведь это наш собственный замок!

– Только маленький, – добавил Гном.

– Добро пожаловать, СамСветы! – услышали мы знакомый голос.

Бархата! Вот и она!

Бархата выглядывала из окошка башенки. Её длинные легчайшие волосы ветром относило в сторону, и они напоминали развевающийся флаг.

– Вы так и будете разгуливать в пижамах? – спросила Бархата. – Правда, здесь этим никого не удивить, но СамСветы обычно предпочитают переодеваться.

Точно, мы же в пижамах! Как выскочили из своей детской, так и разгуливаем. Я совсем забыла об этом! Хотя сейчас казалось, что детская, мама и папа, Бобик и наш зелёный дом – это сон, а реальность – здесь.

На всякий случай я ущипнула брата.

– Больно! – пискнул Гном возмущённо.

Да, и правда: реальность здесь. Но вся одежда, получается, осталась во сне.

– Так нам же не во что переодеться, – уныло сказала я и принялась озираться: вдруг кто-нибудь идёт. Всё-таки неприлично встречать гостей в пижаме. Но кроме леса из молчаливых пней с равнодушными глазами-наростами боль-

ше и не было никого.

– А в замке вы искали? – уточнила Бархата.

– Но он ведь пустой, – возразил Гном.

– Почему-то я в этом не уверена, – и Бархата хитро улыбнулась.

Я первая юркнула в замок. Я всегда верила всему, что ты говоришь, Бархата. Мне нужен был тот, кому я просто могла верить.

Я вбежала в комнату с кроватями, которую про себя назвала спальней, и обнаружила платье. Оно аккуратно лежало на моей постели. Я тут же натянула его на себя. Без всяких сомнений, наряд предназначался мне. У платья был простой вязаный верх с длинными рукавами и многослойная полупрозрачная юбка (мне до колен) голубовато-дымчатого цвета. Теперь я стала похожа на Бархату. Только венка из веток не хватало. В платье предусмотрительно было сделано отверстие для хвоста. Высвободив свою новоявленную часть, я вышла в зал.

Гном тоже уже щеголял в обновках: надел простую серую льняную рубаху с голубым узором и такого же цвета короткие штанишки. Как и я, кстати, брат был босым. Я посмотрела на Бархату, которая сидела на подоконнике высокого стрельчатого окна, болтая ножками в расшитых туфельках.

– Когда ты это всё успела положить? Или это сделал Плед? – спросил Гном.

– Это сделало ваше волшебство. Оно пробуждается и на-

чинает работать, – улыбнулась Бархата.

Гном немного подумал и сказал:

– Волшебство – это здорово, только вот я не чувствую волшебной силы. И почему волшебство не дало нам обувь?

– А она вам нужна?

– Нет! – вдруг воскликнула я, вспомнив мягкий упругий мох на улице. – Можно мы будем ходить босиком?

– Вы тут хозяйева, – ответила Бархата, поправляя свой венок из веток. – Это ваш замок, здесь можно играть и чудить! Пробовать своё волшебство!

И Бархата спрыгнула с подоконника. Её лёгкие тонкие длинные волосы веером взметнулись вверх и, медленно опустившись кольцами, свернулись на полу. Но я, прищурившись, глядела на ноги Бархаты, скрываемые длинным подолом платья. Я не слышала, как они коснулись пола. Странно... Может, какие-то особо мягкие тапочки? Нет, на Бархате туфельки. Я точно видела их.

И только сейчас я подумала: кто же такая Бархата? Призрак? И может, это не сон вовсе, а загробный мир?

Бархата повернулась ко мне.

– Всё хорошо?

Глаза у Бархаты серые, тёплые, мягкие, в пушистых ресницах, словно котят.

Я спохватилась и быстро сказала:

– Ага. Пробовать волшебство, значит. Пробовать волшебство.

Как его пробовать?

– Чего ты хочешь? – подсказала Бархата.

Что я хочу? Что-то лёгкое, и воздушное, и надёжное. Я зажмурилась, сжала кулачки.

– Смотри! – воскликнула счастливо Бархата.

Я открыла глаза и увидела, как сверху спускаются качели. Я засмеялась и вскочила на деревянную доску, обхватила толстые верёвки руками и согнула колени, чтобы качнуться. Плед подлетел сзади и слегка подтолкнул доску, помогая мне.

Гном стоял рядом и завистливо глядел на нас.

– Колдуй качели тоже! И присоединяйся! – крикнула я брату.

– У меня ничего не получается! – Гном начинал злиться.

– Но это же легко! – смеялась я, взмывая выше.

С качелями я могла покорять высоту и не бояться.

Нижняя губа Гнома обиженно задрожала, и неожиданно я шлёпнулась на пол, точнее, на мягкий ковёр, который тут же возник. А вот качели исчезли.

Я растерянно озиралась по сторонам.

– Волшебство закончилось? Так быстро? – разочарованная протянула я.

Эх, странное волшебство. Нужно быть аккуратнее: кто знает, всегда ли я успею наколдовать мягкий ковёр.

Бархата села рядом со мной, поджав под себя ноги и расправив складки лёгкой многослойной юбки. Она вопроси-

тельно посмотрела на Гнома.

– Кажется, это сделал я, – сознался под её взглядом Гном, топчась на границе ковра и не решаясь присоединиться.

– Ну вот! – расстроилась я. – Ты всегда всё только портишь!

Гном сник.

– Я не специально. Просто у тебя были качели, а у меня нет...

– Смотрите! Смотрите! – отвлекла нас Бархата.

Мы оглянулись и увидели, как из пустой комнаты выехало несколько тележек, запряжённых котятками, а погоняли их маленькие белые мышки. Они везли сладости.

– Ой, кто это наколдовал?! – радостно пискнула я.

– А это уже замок оживает и показывает собственное волшебство, – объяснила Бархата. – Давайте пить чай! Гном, иди к нам!

Я вообразила низкий круглый столик с белой кружевной скатертью. Это, оказывается, так легко! Мышки принялись перетаскивать сладкий груз на него. Они достали из тележек складные лестницы, приставили их к ножкам стола и бегали вверх-вниз с печеньем и конфетами. Гном решил им помочь и стал вытряхивать сладости из тележек на тарелки, которые я успевала подставлять, беря их прямо из воздуха.

– Много сладкого нельзя, а то будут болеть зубы, – напомнила я брату.

Да, вот такой я была занудой.

– Здесь не будут. Ведь это волшебные сладости, – улыбнулась Бархата, закидывая в рот орешек в глазури.

Когда все расселись и успокоились, я наколдовала чайник и чашки. Мышки тоже устроились на столе, и чашечки их были как напёрстки. А котяткам мы поставили блюдечки с молоком.

Я взяла двумя пальцами розовую пастилу, упругую и липкую. М-м-м, клубника со сливками! Может, это и загробный мир, но сладости тут потрясающие!

– Бархата, можно тебя спросить? – смутился Гном.

– Спрашивай, – согласилась Бархата.

– Разве у тебя нет дома? И когда ты успела занять башенку нашего замка?

Я поперхнулась и густо покраснела за брата, а Бархата засмеялась.

– Мне не надо было ничего успевать. В башенку меня поселила твоя сестра. Это она создала замок.

Я не знаю, как я это сделала, но это было правдой. Я никогда не любила веселье, беготню, активные игры. Мой идеальный мир состоял бы из маленьких комнат, укромных уголков и, конечно, Бархаты. Прости, Гном. Если ты прочитаешь когда-нибудь эти строки, то знай, что в крошечности нашего замка была виновата я.

Слёзы обиды навернулись на глаза Гнома.

– Шушу столько всего умеет! А я ничего! Только разрушать, – сказал он в отчаянии.

– Не только разрушать, но и защищать, – поправила Гнома Бархата. – Как настоящий мужчина. Твоё умение требуется не так часто, но оно необходимо.

– Тем более благодаря тебе у нас не будет лишних вещей, – подхватила я. – Качели сейчас нам бы только мешали, а ты убрал их! (Правда, неожиданно, но да ладно.)

Я улыбнулась брату, и он примирительно улыбнулся в ответ.

После чая Гном решил уничтожить и стол, но я взмолилась:

– Тут же мышкены сладости! Вдруг они проголодаются!

– Тогда я уберу только чайник и чашки, – согласился на компромисс Гном: ему не терпелось испытать своё волшебство.

Хлопок за хлопком весь сервиз исчез, оставив после себя лишь облачка цветного дыма, да и те быстро рассеялись. Гном развеселился и захлопал в ладоши. Наконец-то он тоже пригодился.

– Пойдёмте гулять! – предложила Бархата, и мы с радостью поддержали её идею.

Гном навалился на тяжёлую входную дверь с железным кольцом и выскользнул из замка. Я хотела последовать за ним, но Бархата удержала меня за руку.

– Тебя что-то волнует, но ты боишься спросить, – сказала она, вздохнув.

Серые глаза внимательные и добрые. Она выпустила мою

кисть.

Я низко наклонила голову, заливаясь краской, и затеребила кончик хвоста, чтобы занять руки.

– Ты не касаешься земли. Ты... паришь над ней? – тихо спросила я.

Бархата улыбнулась.

– Да. Это так. Я не хожу по земле. Так я устроена. Я ведь призрак.

– Призрак?! – выпалил Гном, который вернулся и выглядывал из-за двери.

Бархата немного приподняла край дымчато-зелёной многослойной юбки, вытянула носок туфли и коснулась им ножки стола. Туфля легко прошла через дерево. Бархата поводила туфелькой вперёд-назад и влево-вправо.

– Вот это фокус! – воскликнул Гном. – И сквозь стены тоже сможешь пройти?

Бархата улыбнулась и кивнула.

– Только не все поддаются. В дома СамСветов и призраков могу попасть только через дверь или окно... или печную трубу.

– Но в детской мы же видели твои следы, – вспомнила я.

– И в воздухе их тоже видели, а по воздуху обычно не ходят, – напомнил мне Гном.

– Да. Так получается. Ступая на Дорогу, мы оставляем следы, – подтвердила Бархата. – Но почему ты боялась спросить меня об этом?

Вот опять...

– Я не об этом боялась спросить.

– Она всего боится, – усмехнулся Гном, – поэтому она мышь.

Я тяжело вздохнула и всё-таки спросила:

– Ты душа какой-нибудь умершей девушки? Что с тобой случилось, Бархата?

Неожиданно Бархата сморщила нос и прыснула в кулачок.

– Простите меня! Я забыла сказать, что призраки – это не души умерших. Люди сочиняют эти басни, потому что мы похожи на вас, приходим с луной и лёгкостью своей напоминаем души. Но мы уже рождаемся призраками, живём в Тёмном Уголке и иногда наведываемся к вам, в Задорожье.

Уф! Здорово, что Бархата не мёртвая.

– Это хорошо, пусть Тёмный Уголок будет сном, а не загробным миром.

– Пойдёмте уже на улицу! – сказал Гном. – Мне не нравятся разговоры о мертвецах.

Мы наконец покинули наш маленький замок.

– Давай наперегонки! – крикнул Гном и хлопнул меня по руке.

Мы, визжа и хохоча, побежали по мягкому мху. Он нежный и влажный и так здорово касается голых ступней, словно щекочет и целует одновременно! И ни один камушек не встретился нам на пути и не впился в ногу. Полный восторг!

Плед вылетел из окна башенки Бархаты и присоединился

к нам.

Я остановилась, коснувшись ладонью ствола дерева, и оглянулась. Мох там, где был длиннее, на глазах выпрямлялся, скрывая следы. Чудеса! В Тёмном Уголке мы тоже немного призраки.

Плед подлетел ко мне. Наконец-то, я его уже потеряла: на чаепитии его с нами не было.

– Где ты был? – спросила я.

– Отправлял восточку в Белый Рог о том, что появился новый замок. Пусть отметят на карте, – пояснил Плед-дракон, кружа вокруг меня и дерева.

– Белый Рог? – переспросила я, вертя головой туда-сюда, пытаюсь уследить за Пледом.

– Вы там скоро побываете. Замок Хрустальных Голосов, или Белый Рог, – это обитель правительницы нашего царства.

– Ой, а зачем нам там бывать? – заранее испугалась я: не люблю официальные приёмы.

– Она встречает всех наших СамСветов. И да, она может вас удивить своей внешностью.

– Больше, чем говорящий плед? – хмыкнула я.

– Не смешно, – буркнул Плед. – Вообще-то я принял этот облик ради тебя и теперь не скоро смогу его сменить: сил пока не хватает.

Я не выдержала и в голос рассмеялась.

– Конечно, я ценю твои старания, но это так забавно!

Плед взлетел в небо, расправился, словно белка-летяга, и плюхнулся на меня, полностью накрыв собой.

– Вот тебе! Получай! – хихикнул он.

Я безуспешно пыталась освободиться, задыхаясь в его колючих шерстяных боках.

– Ты меня задушишь! Отпусти!

Плед отстал от меня, взлетев на всякий случай повыше. Ни минуты не может посидеть спокойно! Прямо как Гном! Кстати, где он?

Гном в это время крутился возле дерева, поросшего чёрными осьминогами. Наконец, расхрабрившись, он полез вверх. Осьминоги хватили его ступни щупальцами, но сразу же отпускали, когда Гном поднимал ногу: видно, он не годился им в пищу. Я в ужасе наблюдала за братом-древолозом.

– Гном! Слезай!

Но противный брат не обращал внимания на меня, мои вопли и почти мой инфаркт. Забравшись довольно высоко, Гном огляделся. Наверху не было светящихся наростов-глаз и светлячков. Вокруг только сплошное тёмное море леса в клубках тумана, поглотившее наш маленький зелёный замок.

Гном наклонился, посмотрел вниз – и в зелёном мхе заметил что-то ярко-фиолетовое.

– Шушу, иди прямо и чуть левее! – крикнул Гном мне.

– Что там?!

– Не знаю! Иди посмотри!

– Что-о-о?! Не знаешь – и посылаешь меня! А вдруг это опасно!

Никакой братской заботы! На всякий случай я огляделась по сторонам и перебросила хвост через руку, чтобы никто не подкрался и не схватил его сзади.

Гном спустился с дерева и устремился за фиолетовой тайной. Я побежала за ним.

Тайной оказался цветок, похожий на звёздочку, с жёлтой серёдкой, на мохнатом тонком стебле. Как-то раз мы ездили на майские праздники всей семьёй в гости к тёте в Ярославль, и там, в сосновом бору, тоже росли такие фиолетовые звёздочки.

– Сон-трава! – радостно воскликнула я, вспомнив название.

– Ага! – кивнул Гном. – Только ведь это первоцвет, а сейчас август.

Я огляделась: обычно сон-трава растёт группами – но дальше были только мох и трава. Фиолетовый цветок оказался единственным на всю округу. Ещё бы, ведь на дворе август, а он – весенний цветок. Плед изогнул уголок-мордочку и подогнул к животу уголки-лапки, став похожим на пингвина.

– Это ценная находка! – важно сказал он.

– Да уж, майский цветок в августе, – подтвердил Гном и аккуратно погладил пальцем пушистый стебель.

Тут подошла и Бархата.

– О! Вам повезло! Цветок! – Бархата склонилась над фиолетовой звёздочкой. – Цветы у нас не растут. Но иногда мы всё-таки их встречаем. Случайные гости, попавшие к нам с Солнечной Стороны или из Задорожья.

– Солнечная Сторона? – переспросила я.

– Да, ещё одно царство, но находится оно за Непроходимыми Горами. Вы никогда не увидите его, да и я там бывала очень-очень давно. Горы не зря называли Непроходимыми. Но эта история для другого раза. Ваше время почти истекло, – сказала Бархата.

Она наклонилась и осторожно сорвала цветок.

– Зачем?! – воскликнула я. – Единственный цветок! Пускай бы рос!

Бархата протянула мне фиолетовую звёздочку.

– Тут нет других цветов, он всё равно не дал бы семена, а нам он ещё пригодится. Отнеси его в замок.

– Ну хорошо. А для чего нам цветок? – спросила я, принимая из рук Бархаты фиолетовую, как небо Тёмного Уголка, сон-траву.

Стебель нежный и приятно мохнатый.

– Узнаешь, – лукаво улыбнулась Бархата.

Я была горда, что нести цветок доверили мне. Гном недовольно пробурчал:

– Всё достаётся Шушу! Это какой-то мир для девочек! Ведь это я нашёл цветок!

– Можешь понести его до замка, – примирительно пред-

ложила я.

– Сама носи, ведь я не девчонка, – сдался Гном.

Анжела Князь Просто запись 2

Снова решила писать. Не зря же купила такую красивую тетрадь.

Я постоянно совершаю ошибки, и Царь Волк вздыхает и

говорит сам себе, что ему просто нужно пережить *моё время*.

Моё время.

Интересно, в будущем я решусь перечитывать эту тетрадь? И что я буду чувствовать? Скорее никогда не открою её. Но хочу всё сохранить. Просто для того, чтобы где-то мы существовали: ты и я.

Итак, моя первая ночь в Тёмном Уголке.

Говорят, что СамСветы приходят в мир-убежище по следам призраков, сияющим лунной пылью. Но я следов не видела. Я просто думала о луне.

Ловец снов, красно-коричневый, как осенний лист, качался перед моими глазами, словно гипнотизируя. Потом я закрыла глаза, а когда вновь их открыла, то поняла, что нахожусь... В карете! Однажды на свадьбе двоюродной сестры мне довелось прокатиться в похожей. Всё вокруг было тёмно-бордовым с золотым орнаментом: внутренняя обивка, два диванчика, шторы на окнах.

Я трянула головой, но мираж не рассеялся, карета не превратилась в тыкву.

Я отодвинула ближнюю шторку и выглянула в окно, но туман не давал разглядеть, что же творится снаружи.

Так, нужно собраться с мыслями. Я крепко зажмурилась, словно пытаюсь выдавить галлюцинацию. Потом широко распахнула глаза, но ничего не изменилось: я продолжала сидеть в карете. Зато на соседнем диванчике вдруг появился ворох одежды.

На мне были лёгкие шорты и футболка – в таком наряде я готовилась ко сну в поезде. Значит, поездка мне не приснилась. А эта одежда лежала словно приготовленная для меня. Я осторожно потрогала стопку ткани – вполне осязаемая. Почему бы и не надеть? Уж слишком непрезентабельный у меня сейчас вид. Как я буду выяснять, что же со мной случилось, приставая к прохожим в майке и шортах, которые больше напоминают трусы? Да уж, мама же говорила, что они слишком короткие.

И я решительно закопалась в грудку одежды. Платье до колен с мягким поясом-шнурком, плотные рейтузы, короткий плащ-накидка с капюшоном, вязанные замысловатым узором длинные носки и полусапожки из мягкой кожи, гармошкой собирающиеся на щиколотках. Все вещи тёмного зелёного цвета, кроме рейтуз, сапог и пояса – они чёрные. Я неловко оделась в замкнутом пространстве кареты. Всё по размеру! Вот и отлично!

Вдруг дверь справа открылась, и заглянул Мой Волк.

– А вот и ты! – сказал он.

Мой Волк! Значит, я на Луне! Испугалась ли я тогда? Конечно же нет: с милым рай в шалаше, а тем более на Луне.

– Но где же твой дом?

– Мой дом? – переспросила я и уже приготовилась назвать полный адрес.

– Да не тот, – перебил меня Мой Волк. – Где твой дом здесь? Не нравятся мне бездомные СамСветы.

Он отошёл от двери, и я вышла. На нём тоже был тёмный зелёный плащ, но длиннее, до высоких ботинок, с рукавами и похожий на змеиную чешую жёсткими щитками. Под растёгнутым плащом была та же одежда, в которой я встретила его в поезде: армейские чёрные штаны, высокие ботинки и простая чёрная кофта. Только теперь на его груди висел небольшой кожаный мешочек на шнурке.

Я отвела взгляд. Когда я смотрела на Моего Волка, мои щёки начинали гореть; лучше буду разглядывать пейзаж. Местность была странной. Вокруг только камни, поросшие мхом, да редкие хилые корявые деревья. Каменный Луг. Горизонт тонул в фиолетовой дымке, а всё вокруг светилось голубым и лиловым, и, несмотря на ночь, темно не было.

– Мы на Луне? – решила уточнить я.

– В похожем месте, – ответил Мой Волк.

Всё казалось таким романтичным: карета, таинственный незнакомец, Луна. Но на этом романтика закончилась: я впервые увидела питомцев – Пуговку и Бусинку...

Моих питомцев, которых я предала, а они остались верными мне и искренне меня любили. Мало кто меня так любил. Эх, буду честна, меня часто хотели любить, но я отталкивала или не замечала и думала, что никому не нужна. И почему я всегда так мало обращала внимания на тех, кто хотел поделиться со мной любовью? Приятнее мечтать о небесных кренделях и Моём Волке... И легче написать в дневничке, чем измениться. Мы все всегда всё знаем, но поступаем по-

другому.

Тогда, в первую встречу, мои питомцы показались мне страшными животинами. Я-то представляла, что в карету запряжены прекрасные лошади... а не чудовища. Но я сразу узнала, кто они, спасибо Джин. У неё над кроватью висел постер с химерой – Джин выиграла его в каком-то конкурсе «ВКонтакте», повесила над кроватью, и каждый день химера желала мне доброго утра подозрительным взглядом. Но тот мультяшный рисунок был далёк от кошмарного вида химер настоящих. Головы львов, тела козлов и хвосты-змеи. Нет, не так. Злобные львиные головы с красными гривами и саблевидными клыками, выступающими из пастей, мощные золотые тела и сильные ноги с раздвоенными козлиными копытами, а вместо хвостов – шипящие змеи, мерзко извивающиеся и смотрящие на меня жёлтыми глазами.

Я в ужасе шагнула за широкую спину Моего Волка.

– Это что? – пискнул я из укрытия.

– Это твоё, – ответил Мой Волк, рассматривая химер.

Его спокойный голос меня подбодрил, но ответ удивил, конечно. Химеры нетерпеливо трясли огненно-красными гривами и рыли землю копытами. Им, видно, хотелось тронуться в путь. На страшилищах были шлейки, которые широкими лентами соединяли их с каретой. Станный способ, но, кажется, это волновало только меня.

– И что мне с этим делать?

– Что хочешь. Кстати, как тебя зовут? – спросил Мой

Волк, отступая назад и поворачиваясь ко мне.

Да, мы же так и не познакомились.

– Анжела Князева. А тебя?

Он слегка прищурил красные глаза.

– Я – Царь Вор. Ты теперь мой СамСвет.

СамСвет. Он назвал меня светом. Да, я и есть свет, поэтому я тут. Его свет. Но на самом деле всё прозаичнее, чем хотелось бы. И здесь тоже не пряталась романтика.

– Твой СамСвет? И что я должна делать?

– То, что скажу.

Я пожала плечами. Да, Хозяин.

С тех пор так и повелось: Мой Волк говорит со мной в повелительном тоне, а мне остаётся лишь выполнять его приказы.

– Скажи своим животным, чтобы ехали в Замок Временных Крыльев, и полезай в карету.

Да, Хозяин.

– В Замок Временных Крыльев, – послушно сказала я и забралась в карету.

Хозяин залез вслед за мной и устроился на диванчике напротив. По дороге он рассказал мне о СамСветах, Ворах, Защитниках и Безразличных. Кратко. И сначала я ничего не поняла.

СамСветы – это дети, которые могут бывать в Тёмном Уголке. Так и сказал – дети. Хнык. Я для него ребёнок.

Воры – это призраки, которые собирают уже никому не

нужные, отслужившие своё эмоции для магии. В основном это детские страхи. Они «чистят» нашу Землю. Но так как они берут эти страхи без спроса, их прозвали Ворами.

На самом деле, Мой Волк, я знаю, что ты хитришь. Может, сначала я и поверила, но потом разобралась. Не такая уж я простодушная дурочка. Но тебе это нужно, а мне нужен ты.

Защитники – это другие призраки. Они считают, что у людей забирать ничего нельзя, и мешают Ворам.

Все же остальные призраки – Безразличные. Это массовое общество потустороннего мира, тайного мира – Тёмного Уголка.

Замок Временных Крыльев, или Замок-завод (как чаще его называли; привыкай, дневник, тут ещё и не такие замки будут), оказался недалеко, просто фиолетовая дымка скрывала его. Здесь всё на самом деле ближе, чем кажется, просто прячется в тумане. Когда мы огибали особо крупные камни, я видела замок в боковое окно.

В переднее я смотреть стеснялась, потому что напротив сидел Хозяин. В замкнутом пространстве кареты я в полной мере ощутила, насколько у него широкие плечи, насколько он мощный и высокий. Странно, меня никогда не привлекал такой типаж. Дома, на моей стене почёта, висели смазливый мальчишки – актёры и звёзды. Единственное, что было общим у них с Моим Волком, – это тёмные тени под глазами. Брутальным мужчинам краситься не положено, да и не похоже, что Хозяин проводит по утрам время перед зеркалом, но эта

чернота под глазами выглядит очень круто. Я на его фоне, без грамма косметики, – блёклая моль, но я ведь готовилась к ночи в поезде, а не к свиданию в карете с мужчиной мечты.

Я опять устала в боковое окно: почти приехали.

Этот замок на замок был похож меньше всего. Мне он напомнил нефтеперерабатывающий завод – если ехать по трассе в Москву, как раз проезжаешь такой. Две серые круглые башни разных размеров (Старшая и Младшая), словно кремль, соединялись двумя галереями, которые образовывали внутри овал – внутренний двор. Всё это окружали переплетения труб и пролёты наружных металлических лестниц, которые заменяли балконы.

– Зачем столько лестниц? – спросила я.

– Когда ты крылат, удобнее заходить через окна, – пояснил Хозяин.

В общем, не для меня.

С одной стороны замка раскинулось Синее Озеро – сколько часов я провела, подобно принцессе, созерцая из Старшей Башни его беспокойную гладь и яркие сапфировые берега!

Мы въехали в ворота и очутились во внутреннем дворе замка. Хозяин вышел из кареты; я, конечно, за ним. Главное, подальше от химер!

К башням со двора вели две лестницы. Хозяин в молчании стал подниматься в Старшую Башню. Я хвостом следовала за ним. Глянула вниз – химеры легли возле кареты, поджав под себя козлиные ноги, и шутиливо покусывали друг

друга, как два котёнка-мутанта-переростка.

В башне оказалось две двери – на галерею и в жилую часть. Мы вошли в жилую. Дальше ничего нового – опять дверь и площадка с окном.

Хозяин остановился перед дверью и обернулся ко мне. Я стояла рядом с ним близко-близко и смотрела на него снизу вверх. Почему рядом с ним мне не страшно? Почему я так доверяю ему, хотя его не назовёшь дружелюбным? Потому что я его СамСвет? Или потому что в его вишнёвых глазах я вижу только тихую грусть? Я так хочу помочь тебе, Мой Волк!

– Химер со двора не выводить и не выходить самой, пока я не разрешу.

Не больно-то и хотелось резвиться среди камней с двумя чудовищами в придачу.

– А теперь мне пора заняться своими делами.

И Хозяин скрылся за дверью, захлопнув её перед моим носом.

Я некоторое время растерянно стояла, гипнотизируя дверь, потом вздохнула и забралась на подоконник высокого окна. Оно было без стекла и больше походило на проём, чем на окно, но я для простоты звала его так. За ним я увидела одну из тех металлических воздушных лестниц, которые кольцами охватывали башни. Я вышла на лестницу и села, свесив ноги по сторонам перекладины перил и обхватив её руками. Здесь было ещё не очень высоко, но достаточно для

смертельного падения.

Звёздное небо затянули серые тучи. Волшебство как-то сразу потухло, и стало уныло. Как и на душе у меня. Озеро, отражая тучи, тоже стало серым и напоминало огромную лужу в синем кольце. Мне хотелось гулять по этому яркому берегу, но выходить было запрещено, да и одной не хотелось. Хотелось с Хозяином. Чтобы он, как всегда, сказал мне чётко и твёрдо: «Пойдём на озеро», – и первым двинулся вниз по лестнице, а я за ним, за его широкой спиной, за которой мне ничего не страшно.

Так начались мои ночные будни. Я засыпала, представляла милого Хозяина и оказывалась перед дверью в его кабинет. Он выходил оттуда, смотрел на меня вишнёвыми глазами, хмурил брови и отсылал бродить по замку, а сам вновь скрывался за дверью. Как я ненавидела эту дверь!

Я забиралась на подоконник, выходила на лестницу и глядела на озеро – серое, фиолетовое или синее, в зависимости от погоды. Я ждала. Ждала, когда Хозяин закончит свои дела и у него появится время. Немножечко времени для меня. Ведь я же здесь не просто так? Моё появление ведь для чего-то нужно? Хозяин пришёл за мной и привёл меня на Луну. Я буду терпеливой.

К Хозяину иногда приходили посетители. Призраки. Некоторые были похожи на людей, другие – на животных, третьи – на плод больной фантазии. Иногда с ними являлись дети. Человеческие. СамСветы.

Я не хотела с ними встречаться, поэтому убегала вверх по металлической лестнице, садилась на решётчатую ступеньку и выжидала. Хорошо, что я не боюсь высоты: здесь всё такое ажурное, зыбкое, лёгкое. Кажется, дунет ветер – и хрупкая лестница сложится, как карточный домик.

Призраки не обращали на меня внимания, а дети глядели с любопытством. Почему они сопровождают своих наставников, а мы с Хозяином нигде не бываем?

Но мне всё равно нравилось тут.

Тёмный Уголок... Лишь восемь часов сна я обитала под его вечно сумрачным небом. Остальные же шестнадцать часов я коротала на этой лживой жестокой стороне, которой правит остро-яркое солнце... И такие же остро-яркие нравы царят здесь. Непонятные отношения, фальшь. Взять хотя бы мою семью. Две детальки пазла, которые явно не сходятся: я и мама, Джин и её отец Алексей. Но Мироздание упорно пытается соединить их в семью.

Задорожье. Мне не хочется здесь оставаться. Лучше быть там, где есть надежда.

Просыпаясь утром от солнца, я тяжело вздыхала и пыталась вернуться в сумрак Тёмного Уголка. Но это было невозможно до следующей ночи. Я знала, но всё равно пыталась уснуть. Мне просто не хотелось вставать и жить. А каникулы ведь, лето, и мне нужно было присматривать за Джин, пока все на работе. Хорошо хоть, что Хорёк в свои десять лет достаточно взрослый, чтобы сам мог накормить себя завтраком

и посмотреть пару часов телевизор, не приставая ко мне.

Да ещё и бабушка – моя, а не Джин – приболела, и традиционная летняя ссылка в деревню так и не состоялась. Июль подходил к концу, мне исполнилось пятнадцать, а мы всё ещё торчали в городе.

Лето в городе невыносимо. Ленка на море, Полина на даче – никому нет до меня дела. Можно было бы найти подработку, но мне, как образцовой новоиспечённой сестре, нужно приглядывать за Джин. Правда, буду честной, Алексей оплачивает мне услуги няньки, но Хорька в моей жизни стало уж очень много.

Несколько раз мы выбирались с ней на городской пляж. Но смысл в пляже, когда река такая грязная, что купаться в ней просто опасно? Лежишь, загораешь, а потом потный и уставший трясешься в душном автобусе. Фр-р.

Однажды Джин после такой прогулки заработала тепловой удар – её тошнило, поднялась температура. Все примчались со своих работ и скорая в придачу. Больная Джин – это кошмар. Любой недуг превращает её в невыносимое ноющее существо. Вся красная, она держала мою маму за руку и хныкала: «Мам! Мне плохо!» Хорёк сразу, два года назад, как появился в нашей жизни, стал называть её мамой, но я до сих пор не могу к этому привыкнуть. Хорошо хоть, никто не настаивает, чтобы я звала Алексея папой. В происшествии с Джин меня никто не винил, но я мысленно закрыла пляжный сезон.

После этого случая я стащила снотворное из аптечки. Мама часто после своих командировок и смен часовых поясов не может войти в режим, поэтому снотворное у нас есть всегда. Я отсыпала чуток таблеток и спрятала добычу под подушку.

Теперь я стала задерживаться в Тёмном Уголке дольше. Но радости мне это не приносило. Одинокая и бесполезная. Я устала от обоих миров. Я была ненужной дочерью и ненужным СамСветом. Мой Волк не хочет быть моим Хозяином, моим наставником, он не хочет, чтобы я была его СамСветом. Интересно, а призраком я могу стать? Я больше не страховалась, когда сидела на лестнице, и смотрела не на озеро, а на мшистые камни под собой. Мир-убежище, без Джин, без наставлений мамы и Алексея. Но и здесь я несчастна. Мир-убежище счастья не даёт.

Наконец бабушку выписали. Но мама решила, что она пару недель поживёт у нас, поближе к своему лечащему врачу.

– Как вы терпите этот каменный мешок! – воскликнула бабушка в первый же день, пытаясь дышать свежим воздухом на балконе.

Вместо ответа я провела пальцем по пыльной петунии и украдкой обтёрла его о футболку. Бабушка неодобрительно поглядела на блёклые цветы и покачала головой.

– Решено! Принеси мне мою сумку! – она, хоть осунулась и ослабла, была такой же энергичной и деятельной, как и всегда.

Я покорно сходила в прихожую за матерчатой сумкой. Джин всё крутилась рядом. Из-за жары я собирала ей длинные чёрные волосы в высокий хвост. Остролицая, с выступающими вперёд клыками да ещё с этим хвостом, она была вылитым хорьком.

Бабушка порылась в сумке и протянула мне ключ.

– Ты уже большая девочка. Бери Джин – и в деревню! Здесь вы словно вот эти цветы, – опять неодобрительный взгляд на несчастные петунии. – Тем более зачем мне просить соседку кормить кур и поливать огород, когда у меня две взрослые внучки?

Одна внучка, бабушка.

– Но ба, – возразила я, хотя внутренне ликовала, и виновато покосилась на Джин. – Я тут её до солнечного удара довела.

– Не ты, а солнце. Это глупости, Анжел, дети иногда болеют, – заметила моя мудрая бабушка.

Джин, которая прыгала от радости рядом, тут же завопила:

– Князь, ты не виновата! Это я всё сама! А в деревне я буду слушаться! Ну, пожалуйста, Князь, соглашайся!

Дело в том, что у нас с Джин на двоих одно имя – Анжела. Меня обычно зовут по имени – хе-хе – как старшую, а Хорька – её детским прозвищем Джин. Только она отказывается меня называть Анжелой и кличет по фамилии – Князь.

– Решено! Едете! – вынесла вердикт бабушка.

Этот день был прекрасен во всех мирах. Я появилась в Тёмном Уголке, а Хозяин стоял у окна.

– Вот и ты, – сказал он, смерив меня вишнёвым взглядом, словно забыл, как я выгляжу.

Я ожидала, что он привычно скроется в кабинете, но Мой Волк сегодня остался.

Подсолнух

Сегодня был самый обычный день. И только для Подсолнух всё изменилось. Ей исполнилось 218 лет, и она получила самый желанный для всех молодых призраков подарок –

свой собственный мешочек с *чудо-камушками*. Теперь она могла самостоятельно гулять по Задорожью. Наконец-то двести восемнадцать!

Её мать – Ветреница – вручила ей мешочек и расстроено вздохнула:

– Конечно, ты теперь совсем взрослая, но, может, всё-таки не будешь убегать одна?

– Мама, ну чего ты боишься? Думаешь, люди меня обидят? Ты же сама понимаешь, как это глупо, – улыбнулась Подсолнух длинным, как у матери, ртом.

Уголки же материнского рта поползли вниз, образуя несчастную подкову.

– Просто ты такая нежная, ранимая и мечтательная. Даже вот имя себе поменяла. Мне кажется, ты разочаруешься в Задорожье.

– Но я столько раз бывала там с вами! – заметила Подсолнух. – Со мной всё будет хорошо!

И она обняла мать. Подсолнух казалась некрасивой копией Ветреницы. На первый взгляд они были похожи: большие круглые золотые глаза, светлые жёлтые лёгкие волосы с медными прядями, оливковая кожа. Но Подсолнух при этом вся какая-то угловатая, непропорциональная, словно наспех слепленная. Взлохмаченные волосы топорщились во все стороны на её маленькой голове, как шапочка одуванчика. Глаза казались слишком большими, а рот и вовсе походил на лягушачий. И выражение лица всегда наивно-удивлённое. Как

и все юные призраки, она только училась управлять своей формой. Недавно вот избавилась от бороды, которую случайно отрастила несколько лет назад. Но Листопад до сих пор добродушно подсмеивался над ней, говоря, что ему нравилось, что дочь на него похожа.

Сейчас Листопаду, правда, было не до смеха, он нервничал и поучал Подсолнух, поглаживая собственную длинную бледно-рыжую бороду.

– Не забывай про Дороги. Если случайно потеряешься, то ныряй в первый же ловец снов – тут уж найдёмся. И берегись солнца! Пожалуйста, следи за временем!

– Да, да, я помню, – машинально кивала она.

– И не забывай, что не все люди безобидны. Гуляй в лесах и полях и избегай городов. Вот у Защитников есть прекрасные СамСветы из посёлка – их Дорогой и ходи, – продолжал Листопад.

Подсолнух продолжала кивать, мыслями уже упорхнув в Задорожье.

– И ещё: пора готовиться к Празднику Новых Встреч. Тебе нужны сухие цветы. Ищи их на чердаках деревянных домов, в комнатах молодых жён, в старых книгах со стихами. Такие цветы при переходе измельчаются не в такую пыль, как живые. Тебя проводить до Дороги? – спросила Ветреница.

– Нет! Я знаю, где она! Всё, мне пора! – в нетерпении взвилась вверх Подсолнух.

– Ненадолго! – крикнула вслед Ветреница.

И Подсолнух поспешила скрыться в Водянистом Лесу, пока родители не раздумали и не отобрали мешочек. Как раз вовремя: Дороги проявлялись. Маленькие следы СамСветов.

Ура! Свобода! И никаких лесов-полей! Только города!

Подсолнух побежала по Дороге, привычно провалилась в темноту и вынырнула на чердаке. Перед ней раскладушка, перевёрнутый ящик с пустой вазой, маленькая скамеечка. Подсолнух выглянула в окно – обзор закрывала мохнатая черёмуха, но воздух был подозрительно свеж. Видно, тут живут как раз те поселковые СамСветы. Нет-нет. Никаких лесов-полей. И Подсолнух поспешила испариться.

В небе она сделала несколько прыжков, воспользовалась магией чудо-камушка, и мост из лунного света соединил её с другой Дорогой. Она очутилась в комнате СамСвета. Он тихо спал. Совсем взрослый, скоро перестанет приходить в Тёмный Уголок. Подсолнух остановилась, залюбовавшись юношей. У него были тонкие черты лица и длинные, до плеч, светлые волосы. Такой красивый! Интересно, чей он? Но лучше не задерживаться: призракам из Царств не нравится, когда Безразличные пользуются их Дорогами. Оно и понятно: Царствам приходится возиться с СамСветами, а Безразличные приходят на всё готовое. О, у него есть ловец снов! Отлично! Совершенно белый, с тремя гусиными пёрышками и деревянными бусинами. Он висел на гвоздике прямо над головой СамСвета.

Подсолнух воспользовалась ловцом и, сосчитав до девяти,

выскочила из другого ловца. Этот висел на карнизе окна, и Подсолнух сразу поняла, что она в городе, в многоэтажке, примерно на этаже восьмом. Город! Йуху-у!

Подсолнух обмякла и сквозь этажи полетела вниз, выскользнула из тёмного подъезда и оказалась на улице.

Всё, теперь сама себе хозяйка, и весь мир Задорожья открыт перед ней!

Ну как весь. Эти яркие светящиеся вывески и фонари пугали её. От них начинали болеть голова и глаза. А вот в тёмных подворотнях было уютно и не страшно.

На клумбах спали цветы, под крышами – голуби, в подвалах – кошки. Наступит рассвет – и всё оживёт, и только ей придётся возвратиться в свой сумрачный мир. Никогда ей не увидеть солнца.

Тем временем пасмурное небо Задорожья окончательно заплыло тучами, и ударил гром. Грозу Подсолнух ненавидела. Эти резкие яркие молнии!

Она юркнула в подъезд первой попавшейся безликой многоэтажки и поплыла вверх, прошивая квартиры, словно невидимая нить. Где-то поправила малышу одеяло и успокоила одинокую собачку, боявшуюся грома. А в комнатах, где ещё не спали, она не задерживалась, невидимкой скользя дальше. Там, выше, на десятом этаже, под потолком слегка покачивался ловец снов. Подсолнух рассчитывала перенестись с помощью него к красивому СамСвету, а оттуда уже вернуться домой. Первая самостоятельная прогулка – нельзя

задерживаться. Родители, скорее всего, места себе не находят от беспокойства. Да ещё эта гроза. Сегодня в Задорожье точно нечего делать.

Неожиданно Подсолнух попала в комнату, освещённую множеством свечей. Странно, люди редко теперь зажигают свечи. На полу, в окружении дрожащих огоньков, сидела девочка в розовой пижаме и рисовала.

Пролетая, Подсолнух глянула мельком и остолбенела. На бумаге распускался её любимый цветок: коричневый в середине, с золотыми лучами-лепестками.

Как только Художница отвернулась, Подсолнух закрыла глаза, поднатужилась и материализовала руку. Она коснулась картины – и что-то влажное, жёлтое осталось на пальце.

Художница заметила погрешность и скривила рот, запуская пятерню в непослушные короткие каштановые кудряшки.

– Интересно, это я пропустила или муза моя расшалилась?

Подсолнух никогда не разговаривала с людьми. Родители строго-настрого запрещали ей с ними связываться. Но сейчас, расстроенная, что испортила рисунок, она прошептала:

– Прости.

Художница испуганно оглянулась:

– Кто здесь?

Подсолнух стала медленно появляться, начиная с поникшей головы.

– Прости. Это я испортила шедевр.

Художница разглядывала возникшую из воздуха страшенькую девочку в длинном платье болотного цвета. Её печальный вид приободрил её, и она несколькими мазками исправила пострадавший участок. Лепесток вновь засиял желтизной солнца. Она схватила картинку и протянула незваной гостье.

– Видишь, всё в порядке! Хочешь – забирай!

Подсолнух с завистью посмотрела на рисунок и вздохнула:

– Никак.

– Моё дело – предложить, – буркнула Художница. – Кто же ты такая? Как тебя зовут?

– Я призрак. Зовут меня Подсолнух, – представилась гостья.

Художница прищурила глаза, почти такого же цвета, как у Подсолнух, и хохотнула:

– Ха-ха. Настоящий призрак! Как Каспер? Я догадывалась!

И она тряхнула пружинками кудряшек.

– Каспер – это твой знакомый призрак? – осторожно спросила Подсолнух.

– Можно сказать и так. Но мы едва знакомы, – улыбнулась Художница. – Имя у тебя странное. Думаю, даже для призрака. Почему Подсолнух?

– Имя я выбрала себе сама, – взбодрилась Подсолнух, и ей почему-то захотелось рассказать о себе. – Мне всегда нрави-

лись эти цветы и нравилось, что они тянутся к солнцу, так же как и я. Жаль, что нельзя хотя бы один забрать в Тёмный Уголок. Тогда бы у меня было собственное солнце. Но папа надо мной посмеивается и говорит, что у них уже есть одно солнце – это я, и другого им не надо. Но какое я солнце. Нет, конечно. Я скорее луна.

Художница взлохматила свои тугие кудряшки и неожиданно рассмеялась:

– Ты такая забавная! Никогда не думала, что призраки такие милые!

Подсолнух высоко подняла уголки губ, улыбнувшись счастливой подковой.

– А меня всегда пугали людьми. Но ты мне нравишься, – призналась она. – Как тебя зовут?

– Ну раз ты сама придумала себе имя, то и я хочу, – сказала девочка. – Зови меня Художницей. У нас, кстати, одинаковые глаза. Мне это нравится!

Художница схватила с тумбочки расчёску с зеркалом и поглядела на свои золотисто-карие глаза. Потом протянула зеркало призраку. Подсолнух не стала разочаровывать девочку и говорить, что она не отображается в человеческих зеркалах.

– Почему ты не спишь? Ночью люди спят. Вам ведь нравится день, а не ночь, – спросила она Художницу.

– Я люблю и день, и ночь. Ночь даже больше. Но мама... Она тоже говорит, что ночью нужно спать. Бе-е! Но сейчас

она в отъезде. Я сама себе хозяйка! Хочу – сплю, хочу – пою. Могу даже в школу не ходить! Хи-хи. В конце концов, мне уже четырнадцать! Да и школ этих было уже столько! Мы постоянно переезжаем. Правда, сейчас никакой школы нет – каникулы. Но осень уже почти наступила, значит, скоро снова уроки. Ненавижу! – Художница сделала паузу и добавила: – Тем более у меня горе. Я поднимаю себе настроение. И... ещё боюсь грозы...

– С грозой понятно. А что за горе? Я могу помочь? – Надо же как-то загладить вину перед ней за испорченный рисунок.

Художница покачала головой.

– Понимаешь... Я люблю его, а он любит другую. Это и понятно: за что меня любить? Я не такая, как все, я хуже, я... Ну знаешь, как будто на меня что-то налипло. Словно я запачкалась... в болоте... и не отмыться. А впрочем, неважно. Мама, как всегда, найдёт себе работу в другом городе, и мы снова переедем. Зачем мне все эти мальчики? И вот я решила отвлечься и нарисовать что-нибудь жизнерадостное.

– Цветок – как живой! Нет, даже лучше! Он ярче! – восхищённо сказала Подсолнух. – Мне так жаль, что я не могу его забрать. – Уголки её длинного лягушачьего рта трагично повисли.

Художница хмыкнула:

– Сейчас буду рисовать стебель.

– А я пойду. Мне пора, – спохватилась Подсолнух.

– Останься!

– Нет, я не могу, – вздохнула призрак. – Родители будут переживать.

– Ну пожалуйста! Не бросай меня! – взмолилась Художница: ей не хотелось коротать грозу в одиночестве.

Уголки длинного рта поползли вниз дальше, а казалось, что это уже невозможно. Рот образовал подкову печали. Призрак стала ещё некрасивее.

– Я правда не могу, – вздохнула она виновато.

– Хорошо-хорошо. Мы ещё увидимся? Приходи ко мне снова! – подбодрила призрак Художница.

Мудрая Подсолнух кричала в голове: «Отступай и забудь! СамСветы не для Безразличных!»

Глупая Подсолнух уверяла: «Дружба никому ещё не навредила. Эта девочка такая милая!»

– Да! Обязательно! – обрадовалась приглашению Подсолнух. – Можно завтра? Ночью?

– Конечно! Тогда до завтра! Я буду ждать!

* * *

Родители расхаживали по поляне, поджидая её.

– Ты вернулась! – Ветреница облегчённо вздохнула. – Всё в порядке?

– Да, мам, всё хорошо, – ответила Подсолнух.

Ага, влипла так влипла. Под родными сумраками её приключение сразу померкло, и Подсолнух поняла, что она сде-

лала как раз то, от чего уберегали её родители, – заговорила с человеком. Но родителям лучше об этом не знать. Видно, всё-таки они были правы: ей ещё рано гулять одной.

Листопад, увидев дочь невредимой, сразу успокоился:

– Милая, оставь её. Мы же не для этого дали ей свободу, чтобы потом требовать подробный отчёт. В конце концов, у неё скоро первые танцы.

– Вот-вот, мам! – подхватила Подсолнух. – Я не заходила далеко. Всё-таки первый раз. А теперь я немного поброжу, если ты не против.

И, не дождавшись ответа матери, Подсолнух полетела в лес, подальше от вопросов.

Если возле их дома деревья росли редко, то в глубине леса тонкие кривые стволы путались, образуя непролазную чащу. Но для Подсолнух это не было помехой, она легко проходила сквозь них, мельком замечая холодную влажность не покрытых корой стволов.

Она вышла к маленькому зелёно-голубому озеру и взлетела на ветку над ним.

А люди, оказывается, такие забавные. Теперь она начинает понимать наставников.

Ох! Эти мысли!

Подсолнух взволнованно слетела с ветки и опять пустилась в полёт.

И вот перед ней стена. Светло-голубая, с окнами, аркой, башенками, зубчиками. Одинокая стена замка в лесу – руи-

ны дома ушедшего СамСвета.

Подсолнух подлетела к ней и прикоснулась к холодному камню.

Когда она гуляла с родителями в Задорожье, то часто их путь лежал через детские комнаты. Маленькие люди не любят призраков: они прячутся с головой под одеяло, отворачиваются к стенке, придумывают амулеты и защитников. Подсолнух не обращала внимания на них. Она знала, что иногда молодые Безразличные просто ради забавы пугают детей, чтобы посмотреть, как детский страх застынет *угольками*: скрипнут дверью шкафа, затаятся густой тенью, поиграют шторами. Но родители Подсолнух не одобряли такие забавы, и она тоже.

И как так получилось, что она наткнулась на СамСвета? Сама виновата, ведь первая заговорила с девочкой. Нужно было просто пройти мимо.

Мудрая Подсолнух внутри неё сказала: «Просто оставь её. Она будет ждать тебя завтра, а потом решит, что это ей всё приснилось, и забудет».

Глупая Подсолнух прошептала: «Она такая милая и интересная. Она была рада тебе. Она хотела подарить тебе рисунок, а ты обманешь её».

Да, она не должна обманывать маленьких людей. Завтра навестит её. Последний раз.

– Значит, ты мечтаешь увидеть солнце? Так просто и так недоступно для тебя. Это странно: твоя мечта – моя обыденность. Как-то несправедливо, – вздохнула Художница, теребя тугую кудряшку. – Знаешь, сегодня я шла и глядела на солнце, как будто пыталась насмотреться за нас двоих.

– Я слышала, что на солнце смотреть вредно даже людям, – заметила Подсолнух.

– Ну да, ну да. Но у меня есть солнечные очки! А в тебе вот ни капли романтики, – буркнула Художница.

Она сидела на крутящемся стуле перед монитором компьютера, поджав под себя одну ногу и покачивая второй. Подсолнух стояла подальше в тени и с восхищением рассматривала солнечные картинки, которые ей показывала Художница. Сегодня, как и вчера, девочка вместо света зажгла свечи.

– Всё справедливо. Я здесь чужая. Это солнце не моё, – вздохнула Подсолнух.

– Солнце – оно для всех, – возразила Художница.

Подсолнух, улыбаясь, склонила голову. Не хотела спорить.

Золотая жемчужина в небе... Ах, увидеть бы, почувствовать тёплые объятия. Но драться за солнце, злиться, сетовать на несправедливость – это не для Подсолнух. Здешнее солн-

це не для неё.

– Все призраки боятся солнца и света? – спросила Художница.

– Яркого освещения не выносят все. Электрический свет можно терпеть, если есть куда спрятаться. Всё зависит от силы, а я маленькая и слабая, – пояснила Подсолнух.

– А в твоём мире совсем нет солнца? Там темнота?

И Художница развернула монитор с картинкой колодца – прямо посередине зияла чёрная бездна.

Подсолнух покачала головой.

– Нет, не темнота. Сумерки. И у нас есть светлячки, и светящиеся растения, и грибы, споры которых образуют дымки света. Раньше призраки тоже могли видеть солнце. Но оно было нежнее... Так говорят. Родители видели его. Я уже не застала. Правда... чтобы его увидеть, приходилось идти на холмы... Поэтому уже тогда край призраков назывался Тёмным Уголком. Он находился в низине, и сумерки там были всегда: из-за тумана, который возникает от скопления призраков. Но стоило преодолеть холмы, которые теперь стали Непроходимыми Горами, – и ты попадал в сияющий день!

– Непроходимые Горы? Как они возникли вместо холмов? Выросли, что ли? – спросила Художница, повернувшись к призраку.

– Это грустная история. За холмами раскинулся край Золотых Облаков. И было у их правителя таинственное Амулетное Дерево, предсказывающее будущее. И вот начало оно

волноваться и предупреждать всех, что Тёмный Уголок стал опасен. А всё из-за СамСветов.

– Кто такие СамСветы?

Упс! Кажется, увлеклась! Большие круглые глаза Подсолнух смущённо забежали из угла в угол. Угораздило же её начать рассказывать о СамСветах человеку! Вот уж точно язык без костей! А всего лишь хотела поведать легенду о том, как дочери Отца Золотых Облаков превратились в горы.

Художница выжидательно глядела на Подсолнух, покачивая ножкой.

– Ну? – поторопила она, рукой взлохматив кудрявую шевелюру.

– СамСветы, или подорожники, – это дети, которые по следам призраков приходят в Тёмный Уголок, – сдалась Подсолнух. – А призраки, в свою очередь, по следам детей проникают в ваш мир. Мы зовём такие пути Дорогами. Тайный мир можно найти по следам его жителей.

Художница так и подпрыгнула на стуле, и обе руки её разом закопались в кудряшки.

– И ты молчала?! А почему ты не зовёшь меня в гости?! Или я уже не ребёнок? – И вдруг вся сникла. – Да. Я уже давно не ребёнок, – и отвернулась к монитору, сгорбившись, став маленькой и круглой.

Подсолнух взяла папку с рисунками и стала перебирать их тонкими длинными пальцами. Она остановилась и вытащила лист с жёлтым цветком.

Глупая Подсолнух укоризненно качала головой и вздыхала: «Эх».

Мудрая Подсолнух предлагала немножечко соврать.

– Потому что ты не СамСвет.

Конечно, СамСвет, иначе бы не разговаривала с призраком. Но Подсолнух не собиралась брать с собой Художницу в Тёмный Уголок. Не зря же она выросла в семье Безразличных. Безразличные не имеют СамСветов, они не становятся наставниками.

Художница тихо сказала, не поворачиваясь к призраку:

– Прости меня. Я знаю: если бы это было возможным, ты бы обязательно показала мне свой дом.

– Кажется, тебе пора спать, а мне – возвращаться, – вздохнула Подсолнух.

Определённо, этот разговор нужно заканчивать. Подсолнух не терпелось улизнуть: она жалела, что так разоткровенничалась с человеческим ребёнком, с СамСветом.

Что можно, а что нельзя рассказывать подорожникам? А вдруг хрупкое равновесие между мирами разрушится? А вдруг, что ещё хуже, ей придётся стать наставником? Да, сейчас ей казалось, что это страшнее разрушения мира. Чью тогда сторону выбрать? Воров? Защитников? Но родители в любом случае её не поймут. Да и подруга, кажется, расстроилась.

– Пожалуйста, можно последний вопрос на сегодня? – обернулась Художница.

Подсолнух молчала.

– Молчание – знак согласия! – расхрабрилась девочка. – Ты сказала: «Тайный мир можно найти по следам его жителей». Почему ты называешь мир *тайным*?

Уф, на этот вопрос можно и ответить.

– Потому что он прячется. Тёмный Уголок для людей – тайный мир, а для нас тайным миром является Задорожье. Вот так. Сложновато. Но в этой Вселенной всё мудрёно устроено. Я не могу никого позвать в гости и не могу ничего пронести из Задорожья. Только высохшие цветы, которые по пути рассыпаются на мелкие кусочки, и их потом приходится долго склеивать. Кстати, у тебя нет высохшего цветка?

Художница крутанулась на стуле.

– Где-то был мой гербарий.

Она подошла к стеллажу и порылась в альбомах для рисования. В одном, переложённые тонкой бумагой, хранились плоские цветы.

– Раньше, когда мне нравилось переезжать, я думала составить цветочную карту моих перемещений. Но мне быстро надоело. Хотелось увозить с собой друзей, а не растения.

Она вынула сплюсненную, коричневую от времени ромашку.

– Подойдёт?

– Хм. Ладно, давай, – согласилась Подсолнух без энтузиазма. – Может, потом найду что-нибудь получше.

– Эй! Между прочим, это мои воспоминания! – возмути-

лась Художница, протягивая призраку цветок.

– Я буду с ним бережно обращаться. Мне пора! – И Подсолнух взмыла к потолку.

– Не забывай меня и возвращайся! – помахала рукой Художница. – И спасибо тебе за истории!

Подсолнух поднялась на десятый этаж и через ловец одинокого хиппи вернулась к красивому СамСвету. Тот, как всегда, крепко спал. Обычно дети ворочаются и просыпаются, когда призрак проходит мимо, но не СамСветы. Они трудятся в ночи, открывая Дороги, поэтому сон их глубок и без сновидений. Им снится только Тёмный Уголок.

Подсолнух стояла, разглядывая юношу. Слишком взрослый. Скоро влюбится и забудет Тёмный Уголок. Пора искать другую, запасную Дорогу, чтобы случайно не потерять Художницу...

Но сегодня она рассказала ей слишком много. Пора с этим заканчивать, пока ещё всё поправимо. Подсолнух зажала сухой цветок в ладони и устремилась домой.

Анжела Князь Просто запись 3

Это был третий раз, когда Мой Волк сказал мне больше, чем: «Пришла? Иди, погуляй по замку, у меня дела».

Первый раз был в поезде, когда мы только встретились.

Второй – у кареты, когда я впервые очутилась в Тёмном Уголке. И вот третий.

Хозяин не зашёл привычно в кабинет, когда увидел меня, а сел на подоконник. Длинная чёлка падала ему на глаза. Из-за чёрных волос его бордовые глаза казались углями в костре. Одежда на нём была всё та же. Но и я не устраивала здесь показ мод, щеголяя всё в том же наряде, который нашла в карете.

Вообще, Тёмный Уголок мне нравится своей простотой. Здесь не надо есть, ходить в туалет и стирать одежду. Мой зелёный комплект на следующий день всегда оказывался чистым, даже после падений и валяний в пыли, когда я училась летать. Эх, полёты.

Но до полётов ещё много важных событий произошло. Я чуть не убила своих питомцев и познакомилась с Германом.

А сейчас я стояла истуканом перед Хозяином, не зная, что делать. Сидя ночами на лестнице за окном и смотря на Синее Озеро, я сочинила тысячу и один диалог между нами, мысленно задала ему миллион вопросов, придумала нам развлечения. Тогда я ещё любила гадать, чем он таким важным занят в своём кабинете, и была просто счастлива оттого, что он рядом. Нас разделяла только дверь.

И вот он. Никуда не бежит, не скрывается, а сидит на подоконнике и смотрит на меня вишнёвыми глазами в чёрной каёмке, словно подведёнными карандашом. Я никогда не смогу описать его взгляд: печальный и насмешливый од-

новременно. Взгляд, от которого хочется одновременно подойти к нему и убежать от него.

Мой Волк наконец заговорил:

– Как тебе замок? Понравился? Что успела найти? Чувствуй себя как дома. Тем более своего дома у тебя нет.

Интересно, знает ли Мой Волк, насколько он прав? Своего дома у меня нет. Я живу в семье, в которой я лишняя и чужая. Появилась случайно и живу как будто в стороне от всего происходящего.

Хозяин вопросительно смотрел на меня, а в моей голове умерли все те тысячи диалогов, что я придумала. В садах моей бурной фантазии все цветы превратились в пыль.

Мне стало так неловко, что слёзы выступили на глазах, и я опустила голову.

– Ну как, понравился замок? – повторил свой вопрос Мой Волк, видно, тоже не зная, что ещё мне сказать.

Я взяла себя в руки. Замок? Э-э-э. Я знакома с подоконником и лестницей.

– Да. Понравился.

– Чем же ты занималась, пока я работал? С животными возилась? Как они поживают?

Голос у Хозяина был тихий и даже нежный. Обычно, замечая похожих brutальных мужчин, я всегда представляю, что они говорят только могучим глубоким басом. А Мой Волк говорил так нежно, что за ним сразу хотелось идти на край света.

Соберись же. О чём он спросил? Животные? Эх... Бусинка и Пуговка. Тогда я вообще не вспоминала о них. Две жуткие химеры остались во внутреннем дворе, и я надеялась, что больше их не увижу.

Ну что сказать? Ведь не правду же. Что я всё это время только ждала его.

– Я не гуляла по замку и не занималась животными. Я ждала тебя... – всё-таки сказала правду, – и... думала, как было бы хорошо погулять по берегу озера, которое видно из окна.

Что я несу?

Хозяин помрачнел и нахмурился. Вишнёвые глаза потемнели.

– А я считал, что ты разумная и не теряешь время. Видно, я ошибся в тебе, СамСвет! И какие ещё прогулки?

Губы у меня задрожали. Я так боялась расплакаться! Откуда же я знала, что мне нужно чем-то ещё заниматься? Если бы он только сказал, я бы не покладая рук... Но он же говорил, говорил мне гулять по замку. Это я и должна была делать?

Эх...

– И животные твои, наверное, одичали. Никто не заботится о них. А тебе озеро подавай!

Я не думала об этом. Сейчас мне ужасно стыдно, но тогда я не подозревала, что должна заботиться об этих двух ужасных химерах. Я решила, что в замке есть какие-то конюхи...

Да что я пишу, кого я обманываю – ни о чём я вообще не думала. Даже когда, просыпаясь, видела мультяшную химеру Джин, вспоминала только, как глядела на своих чудовищ из-за спины Моего Волка. И да, все мысли – только о Хозяине. Вот такой я была глупой. Такой и осталась.

Я не выдержала и разревелась. Я так не хотела плакать при нём! Боялась, что он меня прогонит. Прогонит из Тёмного Уголка. А он вздохнул, спрыгнул с подоконника и, выйдя из жилой комнаты, открыл дверь в галерею.

Я, всхлипывая, поплелась за ним. Некоторое время мы шли по галерее, потом появились ступени вниз, и мы оказались у двух больших ворот, расположенных друг напротив друга. Я догадалась, что это ворота, ведущие наружу и во внутренний двор. Мне стало страшно: сейчас Хозяин заставит меня усмирять этих химер. Но нет, мы впервые вышли в другую дверь.

Вокруг были только мшистые камни и корявые деревья. Но честно, мне всегда нравился вид Каменного Луга.

Хозяин пошёл направо, топча мох тяжёлыми ботинками, но зелёный покров сразу выпрямлялся, скрывая его следы.

И тут я впервые подумала, что никогда не видела до этого, как ступают другие призраки. Они проплывали бесшумно, и часто только звук открываемой двери сообщал мне, что кто-то проскользнул за моей спиной.

Хозяин был непохож на всех остальных призраков, которых я мельком встречала: мощный, мускулистый – никакой

лёгкости и воздушности. Мне тогда казалось даже, что он вовсе не призрак.

Я шла за ним, не думая о цели нашей прогулки. Но тут я заметила, что мы направляемся... Да, к Синему Озеру.

Среди камней стала появляться вода, вытесняя мох, а в воде пушились ярко-синие водоросли.

Мой Волк уверенно перепрыгивал с камня на камень. А потом застыл, глядя вдаль, на дымчатый горизонт. Я прыгнула на другой камень позади него и стала разглядывать водоросли, чтобы не смотреть на его чёрный, коротко остриженный затылок, на широкие плечи, на зелёные щитки плаща. Чтобы не смотреть на него.

– Ты довольна? – спросил он, не поворачиваясь ко мне.

Я кивнула за его спиной, не думая о том, что этот кивок ему не заметен.

– Не принимай больше эти таблетки, – вдруг сказал Мой Волк и повернулся ко мне.

Мы стояли на разных камнях, разделённые только узкой полоской воды. Кажется, что шагнёшь... а по сути, шагать-то и некуда. На камне место только для одного. Маленькая непреодолимая пропасть. Мы стоим на камнях, словно на островах, разделённые морем. Эти одинокие камни – как осколки моего разбитого сердца.

Но откуда он знает про таблетки? Я опустила голову и уставилась на широкую пряжку его ремня. Ой, нет! Я покраснела, не зная, куда девать глаза.

– Никаких таблеток. Всё должно происходить естественно. Ты неправильно поступаешь. Ты и так бываешь здесь слишком часто. Обычно СамСветы приходят лишь пару раз в неделю. Но ты упорная, ты здесь каждый день. Я занят, у меня нет столько времени на тебя.

– Я не буду принимать снотворное, – тихо сказала я. – И животными займусь. Обещаю!

Не знаю, почему я вспомнила про химер, но, когда он стоял так близко, казалось, что я могу всё.

Я не буду принимать таблетки, но приходить буду каждый день. Ничего не могу с собой поделатъ. Ты не остановишь меня. Я не могу по-другому.

Я не сказала этого, но, мне кажется, он понял по моим глазам.

– Я надеюсь на тебя, – сказал Хозяин. – Тебе пора возвращаться, а на следующий раз задание: разберись со своими химерами.

Значит, ещё не всё потеряно: я остаюсь его СамСветом. И хоть сегодня я провела в Тёмном Уголке мало времени, но была уверена, что вернусь сюда снова.

Деревня, Мой Волк, Синее Озеро – жизнь определённо налаживалась.

В это утро впервые за последний месяц, да и вообще впервые за долгое время, я проснулась счастливой.

Я подумала о своих подругах. Скоро они вернутся с каникул, мы соберёмся в школе, и они сядут рассказывать о своих

летних приключениях. У каждой будет припасена история о себе и о нём. Таинственный он – диджей из лагеря, молодой сосед на даче, друг брата. Не обязательно даже, чтобы история была со счастливым концом. А я ничего не смогу рассказать. Буду только таинственно улыбаться, ведь ни один загадочный ОН не сравнится с Моим Волком, моим секретом, моим Хозяином. И честно говоря, я не хочу никому о нём рассказывать, не хочу ни с кем делиться им. Он только мой, и Тёмный Уголок – только моё место.

Я чувствовала себя прекрасно и не подозревала, что скоро мне будет совсем не до веселья. Я чуть не потеряла Тёмный Уголок и чуть не убила своих химер. А ещё познакомилась с Германом – угрюмым мальчишкой, у которого в Тёмном Уголке была невеста.

Шушу и Гном Письмо 3

Здравствуй, Бархата.

Признаюсь, с детства я была вялой, трусливой, апатичной. Я избегала всего, что обычно любят дети, – шумных игр, аттракционов, шалостей. Больше всего я любила тихонько сидеть, прижавшись к маме, когда она читала вслух книгу, и твои истории, Бархата.

О Тёмном Уголке мы с Гномом решались говорить только на чердаке. Казалось, что если болтать о тайном сумрачном мире в детской или на улице, то золотой волк солнца доберётся до него, сожжёт – и Тёмный Уголок рассыплется, как бумага пеплом.

Но вот мы поднимались по лестнице на чердак – и словно оказывались в Тёмном Уголке, в нашем маленьком зелёном замке, в тайном мире, в золотой пыли.

– Мы же до сих пор никак не назвали наш замок! – сказала я, садясь на раскладушку.

– А как назовём? – почесал лохматую макушку Гном.

– Быть может... Замок Лилового Цветка? – предположила я, вспомнив сон-траву.

– Зелёный замок не может называться лиловым цветком. И вообще, что это за слово такое – «лиловый»? – возразил Гном.

– Но этот цветок такой важный! – напомнила я.

– И в чём его важность?

И правда, в чём? Я не знала, поэтому перешла в наступление:

– Ты просто завидуешь, что Бархата подарила цветок мне!

– Я? Завидую? Что за глупость! Мне не нужен этот цветок! – возмутился Гном.

– Завидуешь! Завидуешь! – не унималась я.

Не всегда же брату быть вредным! Гном толкнул меня и убежал с чердака. Жажда мщения понесла меня за ним. Невозможно общаться с этим несносным мальчишкой! Но только с ним я могу говорить о Тёмном Уголке. Это наша тайна. Днём Плед всего лишь плед, а не дракон.

Новая прогулка состоялась через несколько дней. Засыпая, я вновь увидела следы. В этот раз я боялась уже меньше и ступила на искрящуюся дорожку, которая приведёт меня к Бархате. И снова луна, и ночь, и свет, и молния неба в углу расстегнулась, пропуская нас в мир-убежище.

Небо походило на озеро, а Дорога – на отражение лунного света в воде. И небо Тёмного Уголка было розово-сапфировым, в серебристых светящихся дорожках млечных путей.

Сегодня я решила вырастить сад. Раз уж у меня сила создания, то надо придумать компанию для нашей сон-травы.

Лиловый цветок стоял на подоконнике в зале, в маленькой вазочке. Обычно эти весенние цветы сразу вянут, а наш всё ещё мужественно держался. Он раскрылся, и в середине фиолетовой звёздочки желтело пушистое сердечко тычинок. Но я всё равно не одобряла того, что Бархата сорвала сон-траву и унесла из леса. Прости, Бархата. Но зато я с тобой честна.

Я вышла из замка и выбрала место для клумбы. Под окна-

ми бывшей пустой комнаты, в которой теперь обитали мышки.

Приступим. Силой мысли я взрыхлила почву и обнесла ярким забором небольшой круг земли. Но цветы никак не получались. Как ни представляла я фиалки и розы, тюльпаны и гиацинты, коричневый круг взрыхлённой земли оставался пустым. А ведь я специально готовилась дома, листала энциклопедию, выбирая, какие цветы хочу видеть возле нашего замка. Но даже простой одуванчик не получился у меня, клумба продолжала сиротливо темнеть.

Гном встал рядом, наблюдая, как я гипнотизирую землю.

– Тебе не хватает силы, – сказала Бархата, выглядывая из окна зала и поглаживая пушистые лепестки сон-травы.

– Ничего не получится? – разочарованно спросила я.

– Цветы, даже волшебные, не растут в Тёмном Уголке.

Но я всё-таки попыталась ещё раз и ещё раз. Наконец устала и сдалась.

Гном хлопнул в ладоши – и яркий заборчик мигом исчез. Я грустно проводила взглядом разноцветный дымок моих несбывшихся фантазий. Гном пригладил землю, и мох облегчённо занял законное место.

Пока я пыталась вырастить цветы, брат тоже не сидел без дела. Он окружил замок рвом с водой, тем самым его защитив. Теперь замок стоял на собственном острове.

Уничтожив мой сад разбитых надежд, Гном сел на край рва и начал болтать ногами. Я присоединилась к нему и ста-

ла делать бумажные кораблики для мышей. На этот раз просто руками. Я умела складывать оригами и без волшебства. Тем более в волшебстве я немного разочаровалась. Правда, бумагу всё-таки пришлось создать силой таланта. Плед махал уголками-лапками, помогая мышкам отчалить от берега. Плед похож на ската: такой же плоский и плавный. Мне кажется, что скаты прекрасны.

Наблюдая за воскресной прогулкой мышек во рву, я заметила, что нам не хватает важной детали.

– У тебя тут недоделки, – сказала я брату.

– Какие? Нет забора из частокола? Им я займусь завтра, – решил Гном.

– Нет, не забора!

Я взмахнула рукой – и через ров перекинулся подвесной мост.

– Ой, точно! – хихикнул Гном.

– СамСветы! – Бархата вышла из замка и махнула рукой, подзывая нас к себе.

Плед сразу устремился на зов. Иногда я ревновала своего дракона к Бархате. Плед любил меня, но Бархата для него была самой главной. Я понимала: с Пледом мы дружим всего неделю, а Бархату он знает всю жизнь. Но как же хочется быть для кого-то очень важной!

Гном побежал вслед за Пледом. И я наконец тоже. Не сидеть же мне одной у рва. Прикинусь, что мне не обидно.

Бархата стояла в своём многослойном дымчато-зелёном

платье и венке из веток. Её пепельные волосы колечками лежали на крыльце замка. Она смотрела торжественно, словно собиралась объявить итоги лотереи.

– Сегодня Плед-дракон расскажет вам одну историю о Тёмном Уголке, – сказала Бархата.

Плед завилял уголком-хвостиком и закрутился вокруг нас. Потом, чуть успокоившись, завис рядом с Бархатой и волнительно затараторил тонким голосом:

– Я только учусь быть наставником, вы мои первые *подорожники*. И я должен вам рассказывать о Тёмном Уголке, когда у вас появляются вопросы.

Мы с Гномом переглянулись.

– Но у нас нет вопросов, – сказал брат.

Плед возмущённо посмотрел на Гнома.

– Не перебивай! – пискнул он.

Гном посмотрел на меня, еле сдерживая смех, и пожал плечами. А какие у нас могут быть вопросы о Тёмном Уголке? Мы приходим сюда по следам призраков, живём в маленьком замке, бегаем босиком по мху, немного колдуем. Всё предельно понятно и замечательно в своей простоте.

Но Тёмный Уголок, оказывается, скрывал много интересных историй. А потом и мы стали частью его истории.

– Вы уже знаете, почему вы сюда попали, и знаете о своей силе и о призраках. Сегодня я хочу рассказать вам о царствах, горах, о Защитниках и Ворах.

– А это будет интересно? – опять подал голос Гном.

– Вы должны это знать! – отрезал Плед.

Я не выдержала и засмеялась. Серьёзный Плед-дракон был таким смешным!

Плед обиженно фыркнул и влетел в замок.

– Не злись! Мы хотим послушать твои истории! – крикнула я вслед призраку, но он уже скрылся в башенке, только клетчатый хвост мелькнул.

– Ух ты! – воскликнул Гном. – Нам туда можно? Или только Пледу?

– Будем слушать историю в башне, – кивнула Бархата. – Мне кажется, это самое подходящее место.

– Конечно! – восторженно подтвердил Гном и бросился вверх по спиральной лестнице.

Мы поднялись в маленькую комнатку. Из мебели здесь были только кровать под прозрачным пологом и низкий деревянный столик. На полу лежал светлый ковёр, настолько пушистый, что ноги утопали в нём по щиколотку. Гном сразу бросился к окну, чтобы оценить вид.

Бархата села на ковёр, а я и Плед расположились напротив.

– Гном! Иди к нам! – позвала я брата.

– Думаю, тебе понравится, – присоединилась Бархата. – В этой истории есть всё: и тайны, и война, – Бархата взглянула на меня, – и любовь.

– А конец счастливый? – спросил Гном, подсаживаясь в кружок.

Плед поглядел на мальчика с опаской.

– Конца ещё нет, – ответила Бархата. – Ведь история не закончилась, и теперь мы все её участники. А чтобы продолжить эту историю, надо узнать её начало.

Гном посмотрел на Пледа.

– Расскажи, Плед!

Но Плед только фыркнул и умоляюще взглянул на Бархату. Я погладила его клетчатый бок, чтобы как-то приободрить.

– Ладно, расскажу я, – решила Бархата. – Но это в последний раз, – добавила она, строго посмотрев на призрака-дракона, но потом улыбнулась ему, и Плед взбодрился и завилял уголком-хвостом. А Бархата начала рассказ...

Я обожала твои истории, Бархата. Поэтому записала все. Я приложу их отдельным письмом.

Анжела Князь Просто запись 4

Алексей доставил нас с Джин в деревню. Перед отъездом он основательно забил багажник машины едой, словно и не собирался за нами возвращаться. Шутка, конечно, за Джин-

то Алексей наверняка придет, а там и я прицеплюсь.

Сначала мы показались соседке, а потом уже стали «расслабляться» по полной: убрались в курятнике, полили огород, обрезали траву возле кустов. Алексей привёз нам питьевой воды с родника, покосил триммером лужайку перед домом и отчалил обратно, трижды поцеловав Джин.

Джин не расстроилась из-за отъезда папы. Хорёк, оказавшись на свободе, сиял как медный таз. Я тоже была рада вырваться из города.

Мы сообразили на ужин гигантскую яичницу с кружочками сосисок и большими дольками помидоров.

Джин сразу заявила, что сбор яиц и кормление кур – это теперь её обязанности. А готовка, поливка, прополка, уборка и остальное входило, видимо, в перечень моих. Рано радуешься, Хорёк. Я намеревалась устроить дедовщину.

Джин нарвала смородиновых и малиновых листьев, и мы заварили самый прекрасный деревенский чай. Потом быстро помылись в летнем душе, ёжась от холода, и я отрубилась, только коснувшись головой подушки.

Открыв глаза с первыми петухами, я поняла, что давно так не высыпалась и что Тёмного Уголка сегодня не было.

Да, Тёмного Уголка не было. Не было Хозяина – Моего Волка.

Я провела ладонями по лицу, соображая.

Если уйдёшь из Тёмного Уголка, то вернуться туда больше не сможешь.

Мы стояли на разных камнях, и вода разделяла нас. Он смотрел исподлобья вишневыми глазами. А я смотрела на его губы, на линию его рта. Рот у него словно надрезан с каждой стороны. Тогда я не видела, как он улыбался. Но видела потом. Его злую улыбку, похожую на оскал, из-за этих длинных, будто прорезанных, уголков. Просто он волк. Мой Волк.

А солнце бесстыже светило в окна и стирало призрачный мир, фиолетовую дымку, искрящийся туман, серые мшистые камни. Солнце слепило, отражалось от глянцевых ярких листьев, кувыркалось в голубом-голубом небе с ватными белоснежными облаками. И заросли длинных цветов, которые бабушка называет золотыми шарами, тоже тяжело шевелили на ветру десятками маленьких круглых солнц.

Кстати, о цветах. Бабушка просила собрать букеты и повесить их сушиться на чердак. Не знаю, зачем они ей. Никогда не видела у неё дома засушенных цветов. Но раз бабушка попросила, нужно постараться. И отвлечься от мыслей. Не хочу думать. Не хочу в этом копаться. Потом-потом... я сковырну корку на ране сердечка, и кровь вновь пойдёт, смывая натянутую улыбку с моего лица.

Джин завозилась на диване и открыла глаза:

– Доброе утро! Что будем есть на завтрак?

– Яичницу.

Настоящая анархия! Есть только то, что хочется или что не лень приготовить. Будем есть яйца, пока не надоест или

Джин не покроется пятнами от аллергии.

– Нет, я не хочу яичницу. Я буду просто сырые яйца! С солью и зелёным луком! – решила Джин.

– Класс! – поддержала я.

В деревне нам разрешено есть яйца сырыми. А я сама себе разрешаю есть лук вволю, нисколько не задумываясь над свежестью дыхания. В деревне это никого не волнует. И даже кажется, что луком и не пахнет, сколько бы ты его ни съел.

Мы умылись, а потом босиком побежали по грядкам за зеленью. Солнце горячо целовало нам плечи.

В каком из снов ты остался, мой вишневоглазый? Ты всё-таки решил отпустить меня.

– Князь, всё нормально? – окликнула Джин.

– Ага, – кивнула я и тряхнула головой.

Не собираюсь портить деревенские каникулы. Грустить и думать буду потом, в городе. Да! Решено!

Я подставила лицо солнцу, чтобы умыться светом, стереть последние отпечатки тайно-сумрачного мира со своей кожи. Ну и пусть веснушек будет больше, зато полегчает на душе.

В деревне каждое твоё движение наполнено смыслом. Ты – демиург, ты создаёшь Вселенную из беспорядочного вечного хаоса. Ты решаешь казнить сорняки, но оставляешь какой-нибудь вьюнок, который тебе понравился. Ты забираешь яйца у кур, но даёшь им зерно и воду, и они счастливо бегут навстречу, завидев тебя. Даже греясь на солнце, растянувшись на досках, словно ящерица, ты ощущаешь токи природы.

ды и смысл своего валяния – отдых от физического труда, приятное ощущение всех мышц.

Но город пробрался и сюда.

– Привет, Цивилизация! Что делаете?

Это Антон. У него светлые выгоревшие волосы, молодая розовая кожа на месте первой, сгоревшей, и миллион веснушек. Сразу видно, что человек отдыхал.

Эх. А нам досталось лишь немного августа. Наша кожа цела, и мы наполнены горячей пылью летнего города. Город летом – это ад.

– Эй, Цивилизация? Ты уснула?

В этот раз обращение только ко мне, потому что Хорёк сидит по-турецки рядом и таращит на Антона тёмные глаза.

Антон всех городских зовёт Цивилизацией, а деревенских – Туземцами. Он на несколько месяцев старше меня, ненавидит деревню и который год сохнет по однокласснице. Мы общаемся с ним только здесь, даже в соцсетях друг к другу не добавились. А зачем? Нас всё устраивает.

Я лениво сажусь рядом с Джин.

– Тебе тётя Маша рассказала, что мы приехали?

– Ага! – кивает он светлой головой.

– Как дела? – спрашиваю я.

Антон немного сникает.

– Всё так же.

– Как там Милая Мила?

Антон зыркает на Джин, немного краснеет и отвечает:

– Всё так же.

Из года в год.

А я... я даже этого не могу сказать. Я ни с кем не могу поделиться своей тайной. Обломки моего сердца царапают душу, а я делаю вид, что оно до сих пор цело.

Мне стало уныло.

– А ты что грустна? Тоже в кого-то безответно втюрилась?

Глаза Антона заблестели. Здорово иметь товарища, который разделяет твои чувства.

– Бабушка болеет, – коротко сказала я.

Ага, лицемерно прикрылась бабушкой.

Теперь Антон покраснел основательно.

– Как она?

– Пока в городе, в любой момент может понадобится врач. Но из больницы выпустили.

– Уже хорошо, – мямлит Антон. – Ладно, я пошёл.

Антон перестаёт виснуть на нашем заборе и по узкой тропинке, скрытой кустами, удаляется к пруду.

А у нас ещё уйма замечательных дел. Мы пробуем незрелые яблоки, морщимся и хохочем. Идём к бабе Клаве за парным молоком и решаем, что завтра отправимся за грибами. Готовим себе еду, копаем молодую картошку, собираем огурцы, помидоры, рвём зелень. Мы накрываем на столе на веранде королевский обед из отварной молодой картошки и овощного салата. Спим после еды, а потом Джин приносит травы на вечерний чай. Сегодня мы добавляем к заварке

крапиву и листья земляники.

Я, по наказу бабушки, набираю цветы, связываю их бечёвкой, складываю букеты в корзину и поднимаюсь на чердак. Лестница крутая и неудобная, бабушка сама на чердак уже не забирается. На полу сенная труха, а в луче заходящего солнца танцуют пылинки.

Если бы я хотела вернуться в Тёмный Уголок, то пришла бы сюда ночью. Но мне кажется, что я пока не хочу... Поэтому я быстро привязываю на верёвку букеты и покидаю чердак.

Мелюзга – девочки возраста Джин – бегают за нашим забором, заглядывают в щели между штакетинами.

– Иди. Поиграй, – покровительственно говорю я Джин.

Но она отрицательно качает головой.

– Я с тобой останусь.

Вот хвостик.

Джин в нашей деревне второй год – и всё ещё не нашла себе друзей. Всё бегают за мной и моими знакомыми. Но почему-то здесь она раздражает меня меньше. На птичий двор опустилась тень. Джин крутится возле сетки, перекидывая сорняки с грядки своим питомцам. Курицы кудахчут и с наслаждением роются в траве. У них у самих-то ни одной былинки не растёт: всё вытоптали.

Мои химеры.

– Джин, почему химера?

– Что? – Джин поворачивается ко мне.

– Почему над твоей кроватью висит химера?

– А-а-а. Ты про это. Просто они прикольные. Правда?

Мне становится неловко. Мы говорим о разном, но вроде как об одном.

– Твоя химера ещё ничего, – бурчу я.

Джин улыбается и поворачивается к курам.

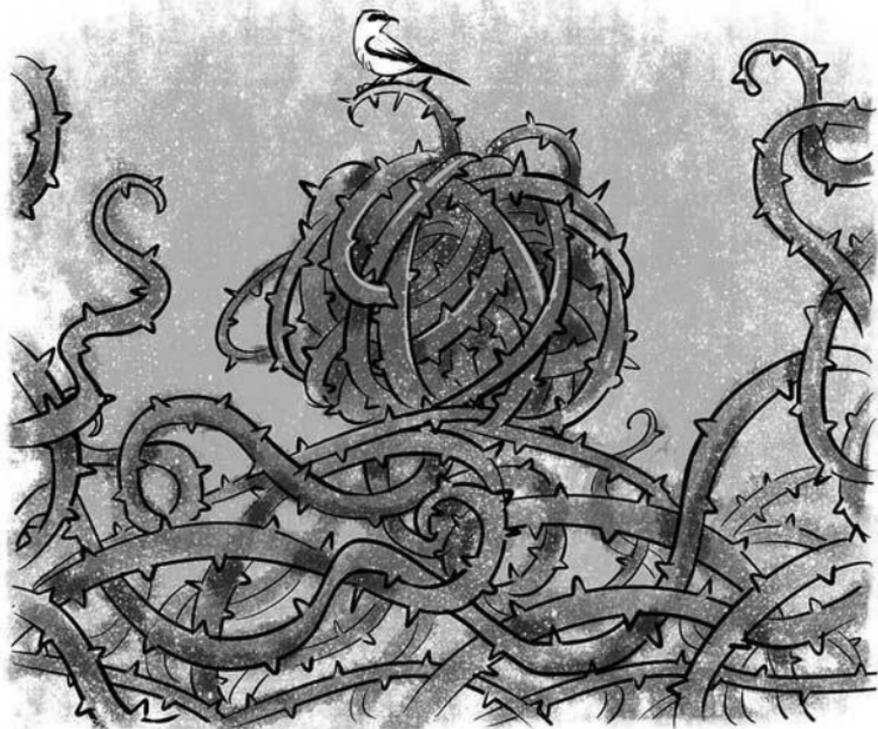
Что там с моими химерами? Они могли одичать... а до этого, что ли, были ручными? Надо с ними разобраться, иначе Хозяин меня никогда не простит.

И в эту ночь – ура! – я снова очутилась в Тёмном Уголке! Прямо во внутреннем дворе.

Но химер там не было.

Шушу и Гном

Письмо 4

История Тёмного Уголка

– Никто не знает, откуда взялись замки, – начала рассказ Бархата. – Кто-то предполагает, что их воздвигли древние чародеи с Солнечной Стороны, другие думают, что это были первые СамСветы.

В любом случае они появились, оказались пустыми, и их населили призраки. Мы всегда приходим туда, где тоскуют дома́.

Сначала возник Замок Хрустальных Голосов. Это было давным-давно, но время не рушит его. Сквозь призрачный туман замок однажды пронзил небо белым рогом, да так и застыл. Белым Рогом мы его обычно и зовём. У него не оказалось дверей, и когда призраки, влекомые пустым домом, влетели в окна, Белый Рог выбрал себе хозяина. Мы так и нарекли его Белорожным, ведь призраки не привязываются к собственным именам.

У замка, как у СамСветов, обнаружился талант. Он может создавать временные лодки, которые на больших воздушных шарах летают по небу. Но замок не живёт и не колдует, пока не выберет себе владельца.

Хозяевами замка всегда становились сильные призраки, настоящие лидеры. Таких немного. Бесконечные жизни делают нас медлительными и аморфными. Мы не спешим гореть, как люди, а медленно плывём сквозь время.

Замок избавил нас от сложной миссии выбрать себе правителя. Он делал это за нас, а мы одобряли его выбор. Так и повелось, что хозяин Белого Рога становился Царём Тёмного Уголка.

Потом, не так давно, появился второй замок – Замок Временных Крыльев (Замок-завод). Он также возник неожиданно, из ниоткуда и тоже имел талант: создавать временные крылья. Призраки заметили его, а он, как и Белый Рог, выбрал себе хозяина. Вернее, хозяйку.

И решили те призраки, что, если у них есть замок, похожий на Белый Рог, – значит, может быть и своё царство и будут они жить по своим законам.

В то время уже начались разногласия среди призраков из-за чудо-камушков и угольков. Для призраков это хорошие вещи, но нельзя постоянно брать, не давая ничего взамен. Гармония между мирами начинает разрушаться.

– О, у нас такие же проблемы! – воскликнул Гном. – Об этом постоянно говорят: истончившийся озоновый слой, вырубка лесов, загрязнение океана... И гармония начинает разрушаться!

– Да, что-то подобное, – кивнула Бархата и продолжила: – И вот Тёмный Уголок разбился на два царства: Хрустальное и Крылатое.

Хрустальным правил царь Благородный, а Крылатым – царица Подлая.

– Вот это имена! – воскликнули мы разом.

– Это прозвища, которые царь и царица получили после смерти. Согласитесь, так гораздо удобнее, чем одинаковые имена ваших королей и царей: Николаи, Генрихи и прочие, – подал голос Плед. – Вот как вы отличаете Генриха Пятого от Двенадцатого?

– Да-а, – протянул Гном, скребя макушку. – В Генрихах я совсем не разбираюсь, зато сейчас всё узнаю о правителях призраков.

– У нас есть Иван Грозный, – напомнила я.

– А у нас Благородный и Подлая. Бархата, рассказывай дальше! – скомандовал Плед. – Сейчас вы узнаете, почему мы их так зовём!

– Крылатое Царство было крошечным по сравнению с царством Хрустальным. Это понятно: к Крылатому Замку присоединились только почитатели Подлой. Хотя их было немало. Подлая оказалась сильным призраком. Она принимала форму прекрасной русалки с длинными голубыми волосами, с рядом камушков, идущих от лба до пупка, разделяя её как бы на две половины. Хвост её искрился бирюзой и изумрудом, а замок давал ей крылья, похожие на плавники. Подлая умела и хотела руководить и решила, что одних крылатых подданных ей явно не хватает.

– А как выглядел Благородный? – спросил Гном.

– Благородный походил на лешего: мохнатый, заросший волосами и с бородой, в листьях, с оленьими рогами и чёрным носом, – ответила Бархата. – Он любил Подлую и готов

был положить Хрустальное Царство к её ногам (здесь Гном издал презрительно «пф-ф»), и я с ним согласилась). Но наш царь был робким в сердечных делах, и на Празднике Новых Встреч, когда призраки дарят своему избраннику цветы, объясняются в любви и образуют семьи, он всегда оставался в стороне. Да и Подлая не обращала на него внимания, привыкнув видеть в нём лишь противника. Но её советник, которого мы зовём Убитый...

– Ещё одно странное имя! – взвизгнул Гном. – Мы с Благодородным и Подлой не разобрались, а теперь к ним добавился Убитый!

– Ну так слушайте, и всё узнаете, – терпеливо сказала Бархата. – Убитый узнал о любви Благодородного и поделился своим открытием с Подлой. Та посмеялась, потом задумалась. И вот на очередном Празднике Встреч подплыла к Благодородному и робко вручила ему цветок. Это был крохотный нежный нарцисс, и в нём заключалось всё счастье Благодородного.

Вскоре состоялся брачный обряд, царства объединились, и с тех пор всем Тёмным Уголком стала править Подлая из своего Замка Временных Крыльев.

– Этого царя нужно было назвать не Благодородным, а Бесхребетным, – фыркнул Гном.

– Подкаблучником! – поддержала я.

А Бархата продолжала:

– Тем временем люди в Задорожье строили города. И всё чаще пересказывали друг другу таинственные истории о

странных тенях, встреченных ими на кладбищах, о загадочных звуках в пустующих домах, о встревоженных собаках, воющих на луну. Человеческие жилища оказались отличными проводниками между мирами.

Подлая, вдохновлённая объединением царств, решила пойти дальше и захватить Задорожье, а потом Золотые Облака – это край чародеев Солнечной Стороны.

– Край? – спросила я.

– Да. Край. Область. Своих правителей золотооблачные называют Отцами. И было у их тогдашнего Отца волшебное дерево, которое предсказывало будущее. Мы мало знаем об этом дереве. Золотооблачные окрестили его Амулетным, спрятали и охраняли как самую главную драгоценность. Оно и понятно, ведь многие хотели бы обладать таким деревом. Правда, будущее непостоянно и изменчиво, как погода, но некоторые события приближаются необратимой волной. Их и предсказывало Амулетное Дерево. И когда оно шептало свои пророчества, стоило поволноваться. Так Облачный узнал, что призраки что-то замышляют, а угроза идёт от Дорог.

Золотооблачные напали на Тёмный Уголок, стали разгонять туман, атаковать замки, захватывать призраков. Но с призраками сложно бороться, мы дали отпор, и, наверное, Подлая даже смогла бы захватить этот край... Но тут появился третий замок. Терновый. Он возник в Шипастом Лесу, напоминал колючий шар из ветвей. И у него сразу же появился

хозяин. Сорокопут. Это серая птица с чёрной полоской на глазах, чёрными крыльями и хвостом. В Задорожье сорокопуты – маленькие безобидные птицы. А наш, наоборот, оказался гигантским и страшным. Он – лохнесское чудовище Тёмного Уголка, возникает время от времени в Шипастом Лесу и вмешивается в наши дела. Иногда бывают и жертвы. Мы не знаем, откуда он прилетает, но время от времени он возвращается в своё гнездо – Терновый замок. На иглах деревьев в Шипастом Лесу наколоты гигантские жуки, словно предостережение «Не подходить!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.